

Владимир Курочкин

ИЗБРАННОЕ

Владимир Курочкин
Избранное (сборник)

«Согласие»

1936-1946

УДК 82-31 + 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Курочкин В. С.

Избранное (сборник) / В. С. Курочкин — «Согласие», 1936-1946

ISBN 978-5-906709-24-0

«Избранное» Владимира Курочкина составили роман «Мои товарищи» (1937), в свое время вызвавший бурные читательские дискуссии, а также повести и рассказы, написанные с 1936 по 1946 годы. «Мои товарищи» – роман в новеллах – исторически самая ранняя форма романа. Особенность жанра фактурно связана со свежестью молодого мироощущения и незаконсервированностью судеб героев. Ромен Роллан писал о произведениях Курочкина: «...в них чувствуется радостный размах сверкающей юности. Вспоминаешь пламенность персонажей Дюма-отца и эпический тон Виктора Гюго в его романе "Девяносто третий год" ...».

УДК 82-31 + 82-32

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906709-24-0

© Курочкин В. С., 1936-1946

© «Согласие», 1936-1946

Содержание

Предисловие	6
Мои товарищи	8
Начало книги	8
Мальчуган знакомится с отцом	10
В Австралии ловят акул	13
Начало дружбы	16
Первая любовь	21
Чужая слава	24
Небо меняет цвет	28
Ошибка Петра Дорохова	32
Главное – это сердце	35
Девушке объясняются в любви	40
Значительный день	45
Фиалки	49
Спальный мешок	54
У самой вершины	58
Огонь	64
Рвется финишная ленточка	68
Рекордный полет	73
Женщина хочет ребенка	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Владимир Курочкин Избранное (сборник)

© Прохоров А. В., 2015.

© ООО «Издательство «Согласие», 2015.

* * *

Предисловие

В 1937 году в журнале «Знамя» был опубликован роман в новеллах «Мои товарищи» молодого неизвестного автора Вл. Курочкина. В том же году этот роман вышел отдельной книжкой в издательстве «Советский писатель». Автору, Владимиру Курочкину было 26 лет, и это была его первая книга. В тот период жизни он активно занимался спортом, после окончания школы плавания играл в водное поло, прыгал в воду с вышки, был инструктором физкультуры, тренером по плаванию, окончил планерную школу при Центральном аэроклубе в Тушино. Не писал до того ни рассказов, ни повестей, а сразу начал писать роман о своих ровесниках: о юношах и девушках, с которыми работал на заводе, в газете, участвовал в соревнованиях по плаванию и планеризму, в альпинистских походах на Дальнем Востоке, в Крыму и на Кавказе. Молодежь, нежность ее чувств, любовь и ревность, преданность дружбе, радость и печаль отношений, серьезность, строгость и целомудрие, будничные героизм и испуг неокрепшего бойца, эгоизм, побежденный чувством долга, молодость с ее восхищением жизнью, мечтой об идеалах, патриотизмом – вот темы автора. Время было трудное, молодые люди в массе своей не знали правду о страшных событиях внутри страны, но были ориентированы на военно-патриотическое воспитание. А с начала 30-х годов «запахло» настоящей войной: Италия, Испания, Германия, Япония, что и отражалось на настроениях и образе жизни людей.

Роман вызвал бурные дискуссии: ровесники героев романа защищали авторский подход, жанр романа и его динамику, а оппоненты осуждали прозу автора за недостаток глубины, увлеченность эпизодами, ну и, конечно, за аполитичность, именно: за отсутствие фактов должной любви к партии большевиков и ее вождям, октябрьской революции и советской власти. Однако, чувство патриотизма в романе так сильно замешано на юношеской энергии, что воспринимается как компонента здорового молодого мироощущения. Роман был переведен на английский и французский языки. Ромен Роллан в своем письме в журнал «Интернациональная литература», опубликованном 21 января 1938 года, писал: «... Я с удовольствием отметил новеллы и фрагменты романов, которые опубликованы в последних номерах, а именно вещи Курочкина и Вишневого. В них чувствуется новый тон современной литературы – высокий героизм, радостный оптимизм. Это еще несколько молодо, несколько зелено, несколько угловато, но в них чувствуется радостный размах сверкающей юности. Вспоминаешь пламенность персонажей Дюма-отца и эпический тон Виктора Гюго в его романе „Девяносто третий год“...»

Владимир Сергеевич Курочкин родился 15 июня 1910 года в Москве в семье преподавателя рисования и черчения. После окончания Энерготехникума в 1931 году работал на Пржекторном заводе техником, а потом художником-карикатуристом в заводской газете-многотиражке. В семье с наследственными художественными склонностями – его отец и дядя были профессиональными художниками – интерес к журналистской деятельности пересилил: он работал в газетах «Электрозавод», «Большевик Казанки», был репортером в ежедневных газетах «Гудок» и «Труд», впоследствии сотрудничал (писал очерки) в газетах «Правда», «Известия», «Литературная газета». В литературу пришел из журналистики.

Жанр первого произведения Владимира Курочкина – роман в новеллах – исторически самая ранняя форма романа. Вся вещь состоит из 27 новелл, сквозь которые проходят одни и те же герои, но это совсем не то же самое, что главы традиционного романа. Особенность жанра фактурно связана со свежестью молодого мироощущения и незаконсервированностью судеб героев. Главный из них, начиная с первой новеллы, растет, учится, приобретает товарищей, с которыми пройдут его юношеские годы. Мальчики знакомятся, играют, лукавят, от игр переходят к серьезному спорту, развивают мышцы, приобретают сноровку. Знакомятся с девушками, испытывают первые чувства, сочетают увлеченность девушкой и спортом. Вот они проходят подготовку, а затем призываются в армию, медицинская готовность

служить родине есть предмет честолюбия. Они живут в военных лагерях, участвуют в маневрах, выполняют боевые задания и постепенно втягиваются в военную компанию на Дальнем Востоке и в Карелии. И здесь этому сопутствуют обычные человеческие переживания: радость ответных чувств и горечь от измен. Герои взрослеют, становятся более серьезными, развиваются физически. Появляются новые интересы, новые виды спорта. Сквозь эгоизм прорастают новые чувства, чувства материнства и отцовства. Одни не мыслят себя вне холостяцкой жизни, другие женятся. Неизменна лишь дружба, которая укрепляется и развивается; в книге много примеров трогательной юношеской дружбы. Молодежь живет полноценной жизнью: планеристы становятся летчиками, пловцы – рекордсменами, альпинисты – курсантами военных школ. Войны еще нет, но фантазии автора недалеко от истины. Читатели вместе с героями романа чувствуют, как близок мир к войне. Критики воплощенной в ткани романа атмосферы еще неосуществленной войны в будущем зачислят молодого писателя в цех литературной фантастики.

В более поздних рассказах и повестях, опубликованных в 30-40-е годы в «Знамени» и «Новом мире» автор увлечен сугубо литературными приемами описания – он больше внимания уделяет подробностям жизни, переживаниям героев, сложностям их характеров, которые проявляются в общении с другими людьми и с природой. Но отношения автора с властью остаются на сравнительно «детском» – комсомольском – уровне. Его критики выступают под флагами «аполитичного» подхода к описанию «молодости страны Советов», и это постепенно сокращает шансы на публикации. Так, сказка – фантазия для детей и подростков «Главный путешественник», предложенная Детгизу в 1939, а затем в 1945 году, направляется на переработку, а впоследствии отклоняется. В 1940 году Владимир Курочкин уходит сначала на войну с «белофиннами», а потом в годы Великой Отечественной войны служит специальным военным корреспондентом на Карельском фронте. На многие годы темой произведений Владимира Курочкина становится война, жизнь и смерть ее участников. Из-за разразившихся войн многие произведения автора о молодых людях и подростках не были напечатаны вовремя, хотя он и стал членом Союза писателей в 1943 году. Написанный во время войны на севере цикл рассказов «Сказки северных гор» так и не увидел свет. После войны Владимир Курочкин опубликовал книги «Бригада смывленных» и «Строители мира» о трудовых исканиях подростков. Долгое время заведовал отделом в «Литературной газете». Последние десятилетия посвятил активным занятиям с молодыми писателями. Сначала он руководил литобъединением при газете «Московский комсомолец», и здесь среди его учеников – ставшие со временем известными писатели и сценаристы Эдуард Володарский и Эдгар Дубровский. А далее свыше 20 лет он преподавал в Литературном институте, вел творческий семинар по прозе, а последние десять лет исполнял обязанности заведующего кафедрой литературного мастерства, все свободное время отдавая молодым талантам.

Александр Прохоров

Мои товарищи

Роман в новеллах

Начало книги

В ту ночь все и решилось.

В июльскую душную московскую ночь 1936 года словно какой-то маленький, но упругий, сильный и свежий родничок забил специально для меня. Мысли и чувства, переполнявшие человека до краев, вырвались, нашли себе простой и естественный выход.

Да, да, я задумывался и раньше: долго ли буду пробавляться короткими, не больше пятидесяти строк, репортерскими заметками на четвертой полосе газеты «Труд»? «Надо браться за книгу, надо дерзать!» – подхлестывал я себя. Мне не терпелось. Но не так-то это просто: сесть за стол и начать вдруг писать книгу. Как клял я себя за бледную маленькую биографию! Сын учителя рисования, почти никуда не выезжавший из Москвы, ничего особенного не повидавший... Ни одного даже мимолетного соприкосновения с подвигом, никакой романтики! И вместе с тем, черт возьми, такая назойливая, такая тревожная, постоянно дающая себя знать, опустошающая душу жажда сказать всем что-то особенное, что-то важное, не пустое, волнующее!..

В жаркую летнюю ночь даже родная Москва-река не дает городу прохлады. Накаленные за день каменные громады домов, размягченный асфальт улиц, нажарившиеся ладони площадей медленно отдают свое живое тепло. Неторопливо уходят вверх воздушные токи, в которых, кажется, дрожит над городом, переливается своим блеском далекое звездное небо. В домах распахнуты окна, город жадно, всеми порами ждет прохлады. К утру, возможно, полегчает...

Я с третьего этажа квартиры своих родителей слушаю ровное дыхание спящей Москвы. В соседних комнатах спят отец и мать, сестры, брат. Если слабый ветерок доносит до моего лица в окне движение теплых своих струй, то для меня, горожанина, и этого достаточно. Я доволен.

И вдруг высоко в небе, со стороны мерцающих звезд, доносится монотонное металлическое жужжание. Оно приближается, становится отчетливее. Самолет? Ну да, вон его красные и зеленые бортовые огни! В то время ночные полеты не были новинкой, но все же самолет над спящим городом был редкостью и привлекал невольное внимание. Вот он, невидимый, прошел над домом, и звук оборвался, скраденный завесой стен. Какой-то неугомонный труженик-летчик, наш мирный самолет!..

И тут что-то дрогнуло в моей душе, повернулось в самом сознании. Я не знаю, я и сейчас еще не могу достаточно точно проанализировать и представить, как и какую работу совершил в тот миг мозг. Как от одной только неопределенной, совсем еще неоформленной мысли о возможном враге над спящим городом, словно от искры, вспыхнул, хлынул целый поток ассоциаций? Как сразу собралось в одно целое все разрозненное, о чем случайно и не всегда до конца правильно думалось в те годы? Как откристаллизовалась мгновенно нужная четкая мысль?

Вот молния так в сыпучем, инертном песке, ударив, оставляет вдруг сплавленный кремнистый крепкий камень, который можно далеко и метко бросить...

Поворот выключателя – брызнул на бумагу свет настольной лампы. Я буду писать о себе, о своих чувствах, о своих сверстниках – моих товарищах. О тех, с кем рос и учился, с кем плавал на соревнованиях в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, с кем работал на Электрозаводе, с кем летал на планерах Тушинского аэроклуба. Мое поколение! Я хочу рассказать о жизни своих сверстников, об их буднях и праздниках, о воспитании воли и муже-

ства. Мы знали – нашему поколению многое дано, но мы еще не прокалены в огне испытаний. Как-то поведем себя в бою и будем защищать свою страну, если случится самое грозное – враг нападет на нас? Мои сверстники – двадцатилетние, именно их судьба волновала меня, и мне хотелось свою уверенность в их моральной силе и беззаветной преданности своей Родине выразить в литературных образах.

Еще не было столкновения с японцами у озера Хасан и тем более на Халхин-Голе. Еще не начинались события в Испании. Но уже накален был воздух, пахло грозой, копились враждебные силы в Берлине, Токио и Риме. Уже легко было догадаться, что нападение врага может произойти с любой из сторон: с востока, запада и севера.

Так я начал писать книгу о моих товарищах, которые были всегда рядом со мной, которых я хорошо знал – все их привязанности, желания, мечты, успехи и неудачи. Я старался представить себе, как поведут они себя, если вот так же ночью, над спящим городом появится в воздухе враг. Нет, никто тогда еще и мысли допустить не мог, чтобы враг проник так далеко и прорвался к самой столице! Ну, а если все же к границе подкрадется враг, если его воздушные армады появятся над нашими землями? Тогда мои товарищи должны выполнить свой воинский долг так, как это представилось мне в эту жаркую мирную московскую ночь...

Книга была написана, и судьба самого автора переплелась с судьбами его героев. Газета «Красная звезда» послала меня на Дальний восток – круг моих товарищей сразу расширился. Пришла суровая пора зимней войны с белофиннами – и снова открытие лучших качеств моих сверстников, надевших военную форму, таких качеств, о которых в 1936 году я имел только смутное представление.

Наконец Великая Отечественная война 1941–1945 годов! Как не похожа она была на ту, что я представлял себе в виде сурового испытания для своих героев – моих товарищей! Насколько тяжелее было нашим воинам, насколько неожиданнее и серьезнее были удары врага, и как мужественнее и суровее вели себя люди, отдавая жизни за будущее своей Родины!

И вот сегодня я думаю, что молодое и сильное чувство патриотизма, которое я ощущал у своих товарищей в те далекие годы, то чувство, которое я хотел вдохнуть в души героев книги, – так же сильно и сейчас, так же руководит помыслами и поступками сегодняшней молодежи. И это роднит моих товарищей прошлого с живыми героями сегодняшнего дня!

1958

Мальчуган знакомится с отцом

Драгуны наступают справа, а кирасиры слева. И у тех и у других впереди барабанщики. Но не слышно барабанного треска, который бывает при атаке. Драгуны и кирасиры сделаны из олова, ими играет Тима. Он строит на полу из деревянных кубиков крепости, и оловянные солдатики нападают на нее. Уже сумерки. Они затеяли с мальчуганом игру. Темнота наступает из углов и теснит Тиму. Он передвигает свои игрушки ближе к окну. Крепости разрушаются, но он отстраивает их заново до тех пор, пока темнота не отнимает у него последнего метра пола. Тогда Тима оборачивается к кухне и кричит:

– Темно!

– Огонь зажигать нельзя. На улице стреляют, Тима, – отвечает из кухни мать.

Тима прислушивается. За окном действительно стреляют. Игра увлекла его, и он забыл о выстрелах, которые слышны на улице уже в течение недели. Игра окончена. А жалко! Тима встает и идет на кухню, к матери. Здесь не так страшно. Правда, тоже темно, но здесь печка, и она топится. Дверца печки немного открыта, и виден огонь. Это уже интересно! Тима останавливается у печки и хватается за материнскую юбку.

Мать занята, варит картошку. Она не говорит Тиме ни слова. И он не обижается.

Мать много за эти дни передумала. Молчала и думала. Потом начинала разговаривать сама с собой. Тиме только один раз сказала, что скоро приедет его отец. Это было в тот вечер, когда почтальон принес ей конверт, в котором лежала серая, исписанная карандашом бумага. Об отце Тима много от нее слышал раньше. Это он изображен на карточке, которая висит в комнате на стене. Бритый и веселый. Тима никогда не видел своего отца, но знает, что это нужный человек, такой же, как и мать. А без нее он совсем бы пропал, особенно после того, как началась стрельба на улице.

Тима нагибается и видит на полу бумажку. Он подбирает ее и кладет в печку. Она тотчас сгорает, и Тима наслаждается зрелищем: остатки бумажки, подхватываемые теплым воздухом, взвиваются и исчезают в самом центре огня, где белые языки пламени борются с оранжевыми.

У матери в кармане лежит письмо, и она иногда ощупывает его рукой. В нем написано: «Дорогие мои! Скоро я буду с вами. Кончается эта трижды проклятая жизнь. Мы уже не воюем. Нас заставляют драться, но мы братаемся. Наши бросают оружие, и немцы тоже, но я еще держу у себя винтовку. Как я счастлив, что скоро увижу вас. Я говорю с ребятами – к октябрю думаем быть дома».

Сейчас октябрь. А на улице – стрельба. Это потому, что в городе революция. Отчетливо слышны одиночные выстрелы и очереди из пулеметов. Стреляют почти рядом. Тима прислушивается к шуму на улице и спрашивает мать:

– А завтра будут стрелять?

– Да, Тима, и завтра.

– Кончится, когда папа приедет?

– Не знаю, детка.

– Они испугают его?

– Он не боится, золотко.

– А когда же он приедет?

– Скоро.

– Сегодня?

– Да. Может, и завтра.

Тима топчется на одном месте, потом нагибается. Он поднимает с пола березовую кору и бросает ее в огонь. Кора, как живая, свертывается в трубку, затем пузырится, вспыхивает и ярко горит.

– Какой пожар! – восхищается мальчуган.

В дверь с улицы раздается сильный стук. Стучат сапогом. Мать бежит к двери, а Тима остается у печки. Но ненадолго. Он идет за матерью и останавливается на пороге кухни и комнаты, отсюда ему видно все. Печка сильно разгорелась и бросает оранжевые отсветы прямо на раскрытую входную дверь, около нее стоят мать и солдат. У него старая затасканная папаха с пришитым к ней красным лоскутиком и рваная шинель. Некоторое время они разглядывают друг друга.

Потом солдат говорит:

– Вы гражданка Раушева? Да?

– Я, – отвечает мать.

– Тогда это вам. Документы! Это, наверно, ваш муж. Его убили сейчас юнкера.

И он протягивает ей тонкую пачку серых бумаг. У нее леденеет в груди. Она готова отшатнуться от этих документов и закричать на весь дом. Но ей так уж много приходилось сдерживать свои чувства за эти тяжелые военные годы, что это стало привычкой. И так на нее внимательно, с ожиданием чего-то для себя интересного, поглядывают карие глазки ее сына, что она находит в себе силы задержать свой крик в горле. Словно во сне, она протягивает руку и берет документы, раскрывает их. Видит солдатскую книжку мужа и опускает руку с документами вниз.

– Давайте, давайте, – говорит солдат кому-то.

В комнату входят еще трое солдат. На руках они несут человека в шинели. Солдатам нелегко нести свою ношу, потому что через плечо у них висят на ремнях винтовки.

– Сюда, – говорит мать и показывает рукой на кровать.

Тиме становится страшно. Уж очень много солдат. Он бежит к матери и становится за нею, а солдаты уходят и закрывают за собой дверь. Остается только тот, который вошел первым. Он достает кисет и закуривает. Видимо, хочет тоже уйти, но не знает, как это сделать, и поэтому переступает с ноги на ногу.

Мать Тимы нарушает молчание:

– Вы видели, как его убили?

– Да, гражданка.

– И вы видели, как он упал?

– Да, гражданка.

– Он что-нибудь говорил?

– Нет, гражданка. Его убили наповал.

– А!

Мать молчит, Тима молчит, и солдат молчит. Но потом он говорит опять:

– Черт нас дернул ввязаться в это дело. Мы только что приехали с фронта. С вокзала сразу же хотели идти по домам. Ну и пошли все вместе, нам было по дороге. Ваш муж сказал: «Мне здесь недалеко, к речке». Ну, мы и провожали его.

Тима глядит на кровать, где лежит человек в шинели. Отец? Что же он молчит? Нет, отец веселый. Вон на портрете! А этот лежит и молчит.

Солдат рассказывает дальше:

– И черт бы их брал, этих юнкеров! Ваш муж сказал нам: «Поможем?» Ну что же, дело привычное. Мы залегли – и давай. То-то стало жарко. Тут его и убили. Мы видим, дело плохо – и смотались. По адресу на письме нашли дом.

Мать Тимы кладет документы мужа на стол и хочет что-то спросить у солдата, но он уже кончил курить. Поправляет папаху и говорит:

– Пойду-ка я, а то заждались там.

И уходит, а мать закрывает за ним дверь. Но к кровати не подходит. Может быть, она боится или чего-нибудь ждет? Бывает же так, что люди ошибаются. Убит наповал? А может, и нет! Прислушивается. Но человек на кровати лежит неподвижно. Тогда она идет к нему

и откидывает шинель. И тут отблески из кухни освещают лицо человека. Видно очень хорошо, но мать не узнает его. Чужое лицо! Совершенно чужое лицо. Небритые и серые, словно натертые порохом, щеки. Кровавый подтек на лбу. Широкие скулы. Мать кричит, хватаясь руками за голову. Что же это такое? Она бежит на кухню, зажигает керосиновую лампу и приносит ее в комнату. А Тима уже орет во все горло. Он ревет так же, как однажды плакал во дворе, когда ему разбили камнем нос.

Мать бросается к столу и начинает перебирать документы. Просматривает их от листа до листа. Все это – документы ее мужа. Но вот рука натывается на письмо. Оно точно такое же, как и все письма от мужа, и адресовано ей. Она раскрывает грязный конверт и читает. Узнает почерк мужа, но ничего не может понять. Письмо побывало под дождем, и потом его долго мяли. Буквы расплылись так, что разобрать ничего нельзя. Она вертит в руках бумагу, подносит ее ближе к лампе. Вот улавливается смысл последней строки: «Прощайте, дорогие, навсегда». Это написано еще не совсем расплывшимися буквами. Больше разобрать нельзя. Но больше и не надо. Муж погиб! Погиб еще раньше на фронте. Убили немцы или расстреляли свои. Погиб – и все. А это лежит его друг. Он должен был передать документы и последний привет. Но его тоже убили.

Тима дергает ее за подол и кричит:

– Папа, папа, папа!

Мать берет мальчугана на руки и подносит к кровати. Что ему сказать? Как распутать клубок событий? Она прикрывает лицо товарища своего мужа чистым платком. Впереди еще много трудных дней! Нужно суметь все перенести стойко. Не теряться и не плакать. Делать свое дело и не унывать. Муж ее не унывал там, среди свиста и завываний шрапнели, ужаса и смерти.

– Твой отец умер, его уже нет, – говорит она. – Теперь мы похороним его, Тима.

На улице, не умолкая, трещат пулеметы. К этим звукам примешиваются еще выстрелы из пушки. В комнате на полу разбросаны оловянные драгуны и кирасиры. Они валяются около крепости Тимы.

В Австралии ловят акул

Солнце стояло в зените, и от жары асфальт на тротуарах был мягкий. Мальчики сидели во дворе. Им не хотелось играть. Они сидели и болтали ногами.

– Сережа, ты был в Австралии? – сказал один из них.

– Нет, Тима! – ответил Сережа.

– А я был.

– А зачем?

– Нужно было.

– Ты врешь!

– Охота мне врать.

– Это дальше Тулы? – спросил Сережа.

– Совсем в другую сторону. Сто раз южнее.

– Там горячее, чем здесь?

– Факт! Днем из дома и не выйдешь.

– А как же гулять?

– Ночью.

– Ну и врешь. Ночью зверей много.

На дворе появился дворник, он катил перед собой огромную деревянную катушку, на ней был намотан шланг, из которого поливают улицы. Дворник толкал катушку, она катилась, и на медном наконечнике брандспойта играло солнце.

– Как блестит! – сказал Сережа.

– В Австралии такие вещи раз в двести сильнее блестят, – Тима не отступался.

– А какие там звери? – спросил Сережа.

– Разные. Больше всего кенгуру. Они прямо через дома прыгают.

– Врешь!

– Ничего не вру. Дома-то маленькие. И еще там есть утконосы. У них нос как лопата.

Видал?

– Нет. У нас в школе не проходили еще.

– А потом носороги и жирафы.

– Жираф я знаю. У меня на марках нарисованы. Они живут в Африке.

– В Африке – с желтыми пятнами, а в Австралии – с коричневыми.

– А!

– Больше всего там страусов. Так и бегают. Я на них охотился.

– Расскажи, – попросил Сережа.

– Я и еще там один. Возьмем ночью штук сто капканов и разложим их на земле. Страусы бегут и попадают в капканы. Летать они не умеют, вот и сидят в капканах. Мы их и ловим. Здорово?

– Здорово!

– Я на страусах катался. Они сильные. Я на одном всю Австралию объехал.

– О?!

– Вот тебе и о! Вскочил ему на спину. Он и помчался. Ногами стучит, как лошадь. Шибко, шибко!

Во двор вошел старший брат Сережи Леша... На плече у него висело полотенце.

– Эй, шпингалеты, пойдем купаться!

– Вот это здорово! – Сережа и Тима вскочили.

Река была недалеко, и мальчики сняли рубашки. Они понесли их в руках. В конце улицы была видна набережная. Сверкала на солнце вода.

- Леша, – сказал Сережа, – Тима был в Австрии.
- В Австралии, – поправил Тима.
- Что-что? – спросил Леша.
- Он был в Австралии, – повторил Сережа.
- Он наврал тебе!
- Нет, я был! – сказал Тима.
- Когда же это?
- Недавно.
- Ты был в лесной школе!
- Вперед в лесной школе, а потом в Австралии.
- Ах ты, вун! Что же ты там делал?
- Мы ловили акул на побережье.

Леша даже остановился и посмотрел на Тиму. Малыш его нагло разыгрывал: шел и размахивал клетчатой рубашкой. Они дошли до набережной.

- Так ты, наверно, и плавать по-австралийски умеешь? – спросил Леша.
- Да. Мы и плавали там.
- Вот ты нам сейчас это и покажешь. – Леша знал, что ни брат, ни Тима плавать не умеют.
- Хорошо, – ответил Тима.

Он скинул штанишки и пошел к воде. Отступать уже невозможно! Это было бы позором. Тима шагал по горячему, раскаленному солнцем песку, ноги погружались в него по щиколотку. Впереди плескалась вода, в ней дробилось солнце, и на гребнях маленьких волн играли ослепительные зайчики. Может быть, сказать, что он нездоров? Нет! Тима крепко сжал кулаки. Никогда! А потом разве он не был в Австралии? Был! Так же шел по песку, когда там хотели ловить акул. И вода так же плескалась, холодная морская вода. Вот она, вода! Тима подошел к ней, и после горячего песка ступни его ног лизнула прохладная волна. Он оглянулся и увидел, что Сережа, зарывшись в песок, смотрит ему вслед, а около него стоит в одних плавках Леша и улыбается. Тогда Тима шагнул вперед. Он увидел свои преломленные в воде ноги и песок с ракушками. Дальше песок и ракушки исчезли в зеленоватой мгле. Туда-то ему и нужно было добраться.

Леша подошел к воде и смотрел, как решительно удалялась от берега маленькая загорелая фигурка. Вот вода залила колени. Бедра. Вот теперь она по пояс. Потом по лопатки. Леша тоже вошел в воду.

Тима почувствовал воду у подбородка. Потом волна плеснула в рот. Пришлось немного задрать голову, стать на цыпочки и сохранения равновесия развести в сторону руки. Но он продолжал продвигаться вперед. Было немного тоскливо и страшно. О возвращении нельзя было уже и думать. Как все это глупо! Нужно было бы не лезть в воду. Нет, это уже трусость! Еще шаг – и Тима не обнаружил под ногами дна. Конец! Он стал делать руками вращательные движения. И ногами тоже, он шевелил ими, как при езде на велосипеде. Вода заливала рот, и нос, и глаза. Вначале все его движения были спокойными, и Тима держался на поверхности. Счастье! Он даже ухитрился набрать новый запас воздуха.

«Вот и плаваю, – думал Тима, – как в Австралии». Но потом он стал уставать, движения становились суетливыми и резкими. Судорожно хватая ртом воздух, он проглотил немного воды. Его потянуло ко дну. «Тону!» – пронеслось в голове. Руки инстинктивно сделали сильный гребок. Голова Тимы оказалась опять наруже. Глотнул новую порцию воздуха. Закричать? Его могут спасти. Нет, ни одного звука! Он был в Австралии и умеет плавать! Никто не должен над ним смеяться.

Тима так устал, что уже прекратил всякие движения. Воздух в легких еще держал его на поверхности. Но вот он выдохнул его через нос. Воздух пузырьками скользнул по лицу кверху и Тима стал быстро погружаться. Сделал слабое протестующее движение руками.

Он не хочет погибать! Но теперь уже поздно. Тима нашел в себе силы раскрыть глаза и увидел зеленую, струившуюся воду, сверху проникал слабый свет. Ноги у Тимы погружались быстрее, потому что в легких осталось еще немного воздуха. Он тонул. В этот момент его схватил Леша и поднял из воды. Он держал его на руках и повернул к себе лицом. Наказан по заслугам! Леша смеялся и хотел уже сказать: «Да, плохо плавают в Австралии», но Тима в этот момент взглянул на него, и Леша ничего не сказал. Серые глаза Тимы глядели с мольбой. Он столько выстрадал за свою выдуманную детскую правду.

Леша вынес Тиму на берег и крикнул братишке:

– Сережа, придется согласиться! Он был в Австралии!

Тима лег на горячий песок и стал отдыхать. По его загорелой коже скатывались капли воды, и в них отражалось солнце. А Леша вошел снова в воду и поплыл к противоположному берегу.

Начало дружбы

- Тим! Вот это Дима, – сказал Сережа. – Знакомьтесь!
- Очень рад, – Дмитрий улыбнулся.
- Мне о вас много говорил Сергей, – Тима протянул руку.
- И о вас я тоже все знаю, – ответил Дмитрий.

Ребята стояли, пожимая друг другу руки. По лицам было заметно, что они довольны знакомством. Дмитрий щурил темно-голубые глаза и улыбался. Его скулы и часть носа были покрыты веснушками. Их даже не скрывал загар.

- Вас, наверное, дразнят рыжим, – Тима кивнул на его густые бронзового цвета волосы.
- Да. Но мне не жалко, – ответил Дмитрий. – А вот вас можно прозвать вороном.
- Верно, – Тима засмеялся, дотрагиваясь до своих черных и жестких волос. – Только нос

не похож.

- Почему? Похож! Тоже длинный!

Сережа ходил около них и радовался, что познакомил, наконец, двух своих товарищей.

- Знаете что? – предложил он. – Не сходить ли нам на реку?

– Неплохо, – Дмитрий взглянул вверх. – Вот только солнце в облаках. Не скучно ли будет...

Сережа и Тима тоже стали смотреть на небо.

- Оно сейчас выйдет, – сказал Тима.

Разговор о солнце велся просто для приличия.

Дмитрий и Тимофей мечтали поскорей попасть на реку. Они хотели проверить, кто же из них лучше плавает. В этом был весь смысл знакомства. Сережа распустил о каждом из них слишком фантастические слухи. Тима посмотрел на Дмитрия. «Говорят, рыжий здорово ныряет, – подумал он, – что же, а я зато покажу, как нужно на воде лежать».

- Пойдемте, – сказал Сережа, – пока дойдем, солнце и выглянет.

- Да, что зря стоять, – поддержал его Тима.

Они пошли не спеша по улице.

- Мы к мосту пойдем? – спросил Сережа.

- Да, к мосту лучше. – Дмитрий пояснил: – Там сверху люди будут смотреть.

- А лучше бы к барже, там прыгать можно. – Тима готов был начать спор.

- Вперед к мосту, а потом к барже, – помирил их Сережа.

- Тогда надо через проходной двор, – и Тима показал рукой, где пройти.

Пошли через проходной двор. В нем жили голубятники. Они редко кому давали спокойно пройти по двору. И сейчас один из парней сидел на крыше и размахивал шестом с черной тряпкой.

- Эй, пижоны, – крикнул он им, – давно табак нюхали?

- Потихе ори! С крыши свалишься, старух напугаешь, – ответил ему Дмитрий.

Парень обалдел от такой дерзости, но они уже прошли за ворота. Потом пересекли улицу и пошли по маленькому горбатуму переулку, который спускался прямо к реке. На мостовой между булыжниками росла трава. Тима был в восторге от Дмитрия. Смелый и умный. Немного хрупковат. Но ничего, такие прекрасно плавают. С ним можно дружить. Он не подкачает!

Они вышли к реке и повернули направо. Там через реку был перекинут большой красивый мост. Вся компания спустилась вниз, к воде. Здесь было глухое место. У берега виднелся большой деревянный помост. Он был полый внутри, и слышалось, как там гулко плещется вода. Солнце вышло из-за облаков, и река оживилась. Ребята стали раздеваться. Тима в трусах подошел к краю помоста, сел и опустил ноги в воду. Пахло немного гнилью. Этот запах шел от зеленоватой плесени на бревнах помоста.

Вода, замечательная вода! Можно часами сидеть на реке и слушать, как тихо и ласково плещутся маленькие волны. Когда город разморен от зноя, то самое лучшее место – это у воды. Можно, опустив пальцы ног в воду, ощущать и видеть манящую прохладу реки. Можно наблюдать жизнь дна. Можно бросить в воду какую-нибудь безделушку и, сощутив глаза, смотреть на нее. Она постепенно теряет свои очертания и принимает новые загадочные формы. Можно, наконец, соскочить в воду и медленными, тихими движениями плыть, поднимая голову кверху, и видеть солнце. Плыть надо обязательно медленно. В воде нельзя быть резким и суетливым. Она любит властные, но вкрадчивые движения. В воде приятно расслаблять свое тело. В ней отдыхаешь. Детство лучше всего проводить у воды! У воды и на солнце. И больше ничего не надо. И ты вырастешь крепким и сильным, а главное – спокойным. Тима загляделся на водяных паучков и просидел бы долго, если бы его не окликнули.

– Тима, плывем! – Дмитрий подтолкнул его.

Они прыгнули с помоста в реку, а Сережа остался на берегу стеречь одежду. Он сел там, где раньше сидел Тима, и тоже опустил ноги в воду. Ребята плыли к мосту. Они не старались перегнать друг друга. Тима по временам останавливался и лежал на воде, раскинул ноги и руки, опустив лицо в воду. Раскрывал глаза. Он видел зеленоватую, освещенную солнцем воду. Немного резало глаза. А Дмитрий нырял и плыл под водой. Его загорелое тело в узких синих плавках мелькало в глубине, подобно огромной рыбе. Тима с интересом следил за ним. Под водой Дмитрий плыл резкими движениями. Задержка в дыхании делала их судорожными. Они подплыли к мосту бросающему причудливую тень на воду. По мосту громыхали трамваи и шли прохожие. Они замечали плавающих в воде ребят и останавливались у перил. Дмитрий и Тима плавали. Под мостом вода была гораздо холоднее. А на глубине попадались совсем ледяные течения. Но Дмитрий невозмутимо нырял. Он подкупал своей ловкостью. Тима подплыл к Дмитрию. Тот глядел вверх. Тима тоже взглянул на мост.

– Приятно, когда смотрит столько народу. Я люблю! – сказал Дмитрий.

– А мне все равно, – Тима нарочно выказывал равнодушие.

Потом оба они поплыли обратно и выбрались на деревянный помост. Сережа полез в воду, а они развалились на настиле из досок и смотрели на реку, по которой ползли буксиры и шмыгали лодки.

– Вы занимаетесь водным спортом? – Дмитрий сбивался с «ты» на «вы».

– Нет, – ответил Тима. – Я просто так плаваю. С Тимой никто никогда не говорил на эту тему.

И слово «спорт» обозначало для него что-то недостижимое.

– Спорт надо заниматься, – заметил Дмитрий. – В старину в Греции ребята в нашем возрасте уже ставили рекорды.

– Мне не с кем. Одному скучно, а подходящих ребят нет. В нашем классе был один, но с ним случилась история, и он теперь ходит мрачный.

– А что случилось?

– Он бежал на дальневосточную границу, хотел поступить в Красную армию. Но его вернули обратно. Молод.

– Смелый парень. Как его зовут?..

– Дорохов, Петя.

– А меня бы не вернули. Что же, он не мог сказать, что ему двадцать лет?..

– Не знаю уж. Может быть, и говорил, да не поверили.

Дмитрий наклонился к Тиме и шепнул:

– Я ведь тоже собирался.

– Ну?

– Да, но у меня, как назло, отец заболел, он старый очень, и я боялся – умрет без меня.

– И мы вдвоем с одним товарищем хотели... и Петька с нами опять решил во второй раз бежать. Да уже они сдались. Их там всех без нас разгромили. А все уже было готово. И билеты и деньги. Утром собрались, да прибегает Петька и кричит: «Все к черту, всех маньчжурских генералов расколошматили!» Так и не поехали.

– Знаешь, Тима, давай вместе будем заниматься водным спортом!

На помост из воды вылез Сережа. Он отдувался и фыркал. Вода попала ему в нос.

– Сергей, а ты будешь заниматься водным спортом? – спросил его Тима.

– Нет, я буду учиться бегать, – Сережа подсакивал на одной ноге, вытряхивая из уха воду.

Потом он прилег на досках, а Тима и Дмитрий продолжали говорить.

– Тима, ты любишь нырять?

– Нет, мне это не нравится.

– Это же не опасно.

– А я и не боюсь. Я люблю плавать. Быстро!

– Нет. Нырять интересно. Иногда заберешься вглубь, и даже страшно делается. Вот-вот задохнешься... Вы боитесь смерти, Тима?

– Нет. Не знаю. Я об этом не думал.

– А я думал. Умереть – страшно.

– Наверно, страшно.

– Особенно страшно подумать, что тебя не будет больше на свете. Ни рук, ни ног, ни головы. И ходить не будешь. И дышать нельзя. И знать ничего не будешь, как и что на земле. Жутко!

– Об этом и думать страшно, – сказал Тима.

– Но нырять я не боюсь. Могу до самого дна добраться.

– И я не боюсь. Если нужно будет, куда угодно нырну.

– А под лодку нырнете?

– Смогу.

– Пойдем попробуем.

– Они опять прыгнули в воду и отплыли подальше от берега. Дмитрий поплыл к приближающейся прогулочной лодке, а Тима остановился. Он держался на воде и смотрел на Дмитрия. Тот быстро подплыл к лодке. Когда ее нос надвинулся на него, он закричал и нырнул под лодку. В ней сидели и гребли двое мужчин. Услышав крик, они перестали грести и прислушались. Потом с испуганными лицами посмотрели под нос лодки и около бортов. Сказав что-то друг другу, нерешительно стали грести. А Дмитрий уже висел за кормой на руле и смеялся. Лодка везла его. Потом он отцепился и поплыл к Тиме.

Наступила очередь Тимы. Он отплыл от Дмитрия и направился навстречу новой лодки. Тима видел, как она быстро приближалась. Ему было немного не по себе. Он никогда не участвовал в подобных играх. Вот нос лодки! Тима схватился за него и нырнул. Рук от лодки не отнял, а быстро перебирал ими, держась за киль, который был обит железом. В некоторых местах оно отстало от дерева, и Тима чуть не расцарапал себе руки. Над ним шуршала лодка. У Тимы закружилась голова. Не хватило воздуха, но вот руки схватили руль, и он высунул голову из воды. Было приятно набрать в легкие свежий воздух. Тима улыбнулся Дмитрию и прислушался. На лодке разговаривали мужчина и женщина.

– Маруся, впереди как будто плыл человек.

– Да. Ты думаешь, мы его ударили?

– Черт его знает!

– Что же теперь?

– Не беспокойтесь, я жив! – крикнул им Тима, подтянувшись на руках вверх.

Затем он выпустил из рук корму и уплыл к Дмитрию.

– Молодец! – сказал тот. – А под восьмерку нырнешь?

– Можно.

Они стали ждать гоночные лодки, которые иногда проплывали по реке. Когда одна из таких лодок показалась вдалеке, Дмитрий сказал:

– Вы опять будете вторым.

И поплыл наперерез лодке. Тима видел, как длинная и узкая гоночная лодка неслась по реке. В ней, сильно откидываясь назад, гребли восемь спортсменов. Дмитрий остановился и нырнул под лодку. Тиме показалось, что острый нос лодки вонзился в голову Дмитрия. Она исчезла под водой. Несколько секунд Тима нервничал. Потом увидел Дмитрия сзади лодки. Тот хлопал по воде рукой.

– Не удалось схватиться за руль. Быстро она шла, – огорченно сказал Дмитрий, подплывая к Тиме.

– Все равно здорово! – ответил тот.

Стали ждать вторую гоночную лодку. Но ее долго не было.

– В другой раз нырнешь! – сказал Дмитрий.

Они поплыли к берегу и вылезли на помост.

Тима рассказал о своем путешествии под лодкой, когда на реке раздался гудок парохода.

– А под пароход нырнешь? – спросил Дмитрий.

– Можно попробовать. – Тима и сам не знал, для чего это он похвастался.

– Бросьте, – сказал Сережа, – не хвастайтесь! Оба хорошо плаваете.

Но Дмитрий встал и подошел к концу помоста:

– Я прямо отсюда нырну.

Взмахнув руками, он прыгнул и скрылся под водой. Сережа и Тима подбежали к краю досок. В воде ничего не было видно. Вдали дымил пароход.

– Вот черт! – восхитился Сережа.

– Рискованно, – Тима покачал головой.

Пароход проплыл мимо. По реке пробежали волны, но Дмитрия не было видно.

– Что же это такое? – произнес Тима.

Он и Сережа ходили по краю помоста. Тима нервно перебирал пальцами рук. Прошло минут пять, но Голова Дмитрия и не появлялась. Мальчишками овладело волнение. Прошло еще несколько минут.

– Надо звать скорее на помощь, – предложил Сережа.

– Беги, – распорядился Тима.

Он глядел на реку. Она была уже спокойна – как будто пароход и не проходил. Река жила своей жизнью. Так же ползали буксиры, плыли лодки. На мосту дребезжали трамваи. И никому не могло прийти в голову, что случилось несчастье. Светило по-прежнему солнце, и даже Тиме казалось, что ничего не произошло. Как ничего? Вон лежит одежда Дмитрия, а его самого нет! Может быть, он на дне реки? Наверняка там! У Тимы пробежал мороз по коже. Вокруг никого не было. Сережа исчез. Скорее бы приходили люди! Пожалуй, поплыть? Искать? Нет! Что он сделает один? Нужны лодки и багры. Какой ужас! Был человек, а теперь его нет. Найти друга и сейчас же потерять его? Вот она, смерть, о которой говорил Дмитрий. Да, это страшно! Вот все есть – и солнце, и знойный день, и мост, и берег, а человека нет. И Дмитрий уже больше ничего не узнает. Не узнает, как его будут искать, как вынут и станут смотреть на его безжизненное тело. Не узнает, как будет жить без него мир...

Сережа спускался сверху с каким-то мужчиной. Маленький толстячок спешил, обливаясь потом. На плече он нес удочки.

– Что у вас здесь такое? – спросил он.

– Товарищ утонул! – крикнул Тима.

– Какой товарищ? Что вы врете?

– Да нет, это правда. Вот его одежда.

– Так надо бежать за лодкой.

– Сергей, беги скорей!

Толстяк бросил удочки и стал снимать рубашку. Потом уставился глазами куда-то за спину Тиме и сказал со злостью:

– А ну вас к черту! Шутники!

Тима обернулся и увидел вылезающего из воды Дмитрия. Он бросился к нему.

– Димка, милый! Где ты был?

– Я сидел под помостом. Как нырнул, так сразу же туда и забрался. Там между водой и досками есть свободное пространство. Испугались?

– Я сдаюсь, – сказал Тима, – вы плаваете лучше меня. Но не повторяйте больше своих смертных номеров.

Мужчина с удочкой, чертыхаясь, лез на берег.

Первая любовь

Цветет сирень. Маленький человек сидит около ее пышных кустов на садовой скамейке: он ждет девушку. Она не приходит, влюбленный печально крутит в руках веточку сирени и нюхает цветы. Потом гадает, отрывая крошечные лепесточки. Сзади шевелятся кусты, и маленький человек, улыбаясь, оборачивается, но в кустах появляется рослый садовник с лейкой. Влюбленный вскакивает и прячет за спину сирень. Заискивающе кланяется садовнику и снимает со своей головы потрепанный котелок. Садовник сердито машет лейкой, и маленький человек, испуганно прижимая руку к сердцу, убегает по дорожке. Потом прячется за куст, а когда садовник уходит, он снова садится на скамейку и дожидается девушку.

В зрительном зале все смеются над неудачами влюбленного. А Тима глубоко его жалеет, но он тоже смеется, потому что маленький человек выглядит комично. Досадно, что беспрерывно рвется кинолента. Вот она рвется еще раз, и в зале зажигают свет. Тима говорит сидящей рядом с ним Вале:

– Ну и сапожники!

– Да. А сзади все время целуются. Ты слышал? – говорит Валя.

– Что же, пусть целуются, – отвечает Тима.

Потом в зале снова гаснет свет, и на экране маленький человек снова страдает от любви. Тиме понятно его страдание. Он сам недавно так же страдал. Тима вспоминает, как познакомился с Валей. Это было месяц тому назад, осенью. Но в первый раз он увидел ее еще летом. Тима жил недалеко от ее дома и однажды, проходя мимо, увидел Валу, она стояла с подругами около ворот. На ней была надета желтоватая модная кофточка с белыми кружевами на груди. Она, запрокинув голову смеялась над шутками подруг. Тиму поразили ее пухлые капризные губы. Они казались пунцовыми, хотя и не были накрашены.

– Красивый мальчик, – сказала она подругам.

Тима покраснел и прошел не оглядываясь.

После этого она приснилась ему, и он стал почти каждый день ходить мимо ее дома. Она жила на первом этаже, и Тима часто видел ее в окно. Вскоре она заметила его и улыбалась уже, как знакомому. Он не знал ее имени, но стал звать про себя Татьяной, это ему нравилось. Ходил мимо окон и сочинял разные фантастические истории. Мечтал и придумывал витиеватые объяснения в любви, которые могли бы покорить самую капризную красавицу. Иногда не видел ее совсем. Не все же время она стояла у окна или у ворот. И тогда сердце его наполнялось тоской и снились сны, от которых можно было плакать. Это была первая юношеская любовь.

Как-то Тима шел по улице, а на противоположном тротуаре стояли подростки, и около них вертелась лохматая собака. Мальчишки натравили на него дворняжку. Она кинулась с хриплым лаем. Он мог бы отшвырнуть ее ногой, но в это время у окна показалась его Татьяна и сделала знак, чтобы он спрятался от собаки в парадном подъезде. Тима кинулся туда, а девушка вышла к нему из дверей, обитых снаружи клеенкой. Они поздоровались.

– Вас не укусила собака? – Она оказалась заботливой.

– Нет, она не успела подбежать, – ответил он.

– А меня зовут Валей. Как это странно: мы не знаем, как зовут друг друга, а уж как будто знакомы сто лет. Вам сколько лет?

Все это она произнесла залпом. Но Тима не удивился этому, потому что был уверен, что все девушки так и говорят: быстро и захлебываясь.

– Мне семнадцать лет, – сказал он, прибавляя себе полгода.

– Да? А на вид вам больше. А сколько мне? Хотите узнать? Я старше вас. А выгляжу моложе. Да? Вы часто ходите мимо нашего дома. Близко живете?

– Да рядом, на Смоленской улице.

– А, знаю. У меня там живет дядя. Но как же вас зовут? Я так и не узнала. Как это странно, я говорю все время, а вы молчите.

– Меня зовут Тимофеем.

– Хорошее имя. У меня есть знакомые: Михаил, Владимир. Александр, а Тимофея не было. Вас звали Тимой, когда вы были меньше? Да? Вы учитесь?

– Нет, уже работаю. Я окончил школу при заводе.

– Я тоже училась, но теперь работаю. Работать лучше. Да? Тима, я вас буду так звать, у вас чудные ресницы, длинные, как у девочки. Тима, знаете что, пойдете гулять?

И они пошли гулять. После этого еще несколько раз гуляли по улицам, а когда наступила зима, стали ходить на каток. Тима уже не страдал, но и не мечтал. Он даже немного был разочарован. С Валею нельзя было говорить о серьезном. Всякий раз, когда Тима, взволнованный чем-либо на заводе или прочитав в газетах интересное сообщение, начинал говорить об этом Вале, она перебивала его и говорила со смехом всегда одно и то же: «Ну вот, опять о серьезном. У меня и так уже голова распухла от этого на работе. Зачем об этом говорить?» Тима смолкал, ему было обидно. Валя, очевидно, не читала газет. Раз, возвращаясь с катка, они задержались в подъезде дома Вали. Стояли очень близко друг от друга. Коньки положили на батарею центрального отопления.

– Ты очень смешной, – сказала Валя. – Все молчишь и молчишь. У тебя замерзли губы. Да? Я сейчас их тебе откушу.

– Ничего не выйдет, – засмеялся Тима.

– А вот выйдет!

Она схватила его зубами за губу. И они поцеловались. Потом еще и еще. Тима никогда так не целовался. Поцелуи были долгими, и Тима чувствовал у своих зубов зубы Вали. Ему стало неприятно. Уж очень странными были эти поцелуи. Так никогда не целуются в играх. Новизна ощущения поразила его, и он заспешил домой. Валя не отпускала и даже обиделась. Но он все же ушел. После этого они стали встречаться немного реже. И вот теперь!..

Маленький человек на экране не добивается поцелуя у своей девушки, а только нежно дотрагивается рукой до ее платья и все время падает то на скользком полу гостиной, то на тротуаре, наступая на корочку от дыни. Тима жалеет его, а Валя шепчет ему на ухо:

– Вот смешной! Взял бы да и поцеловал. Как это странно, все бегаешь – и попусту.

– Да, чудак! – Тима поддерживает разговор, но думает о другом.

– А Валя шепчет опять:

– Сзади все время целуются.

– Надо позвать милиционера, – улыбается Тима. Потом быстро говорит ей: – Валя, Валя, смотри, кирпич сейчас упадет ему на голову!

И вытягивается из-за огромной спины сидящего впереди него военного, чтобы лучше видеть, как маленький человек избежит новой опасности. Хватает за руку Валу, она тоже вытягивает вперед голову и пожимает ему руку. Потом она поднимает его руку и кладет ее себе на грудь. У Тимы мелькает в глазах экран, и он теряется от неожиданности. Не знает, что ему делать. Наверное, это так нужно. Тима чувствует под тонкой кофточкой тело Вали, теплую и упругую девичью грудь. Даже ощущает удары ее сердца. Он напряженно смотрит на экран и думает: отнять ему руку или нет. Валина голова очень близко от его головы, она почти касается его щекой. Валя прижимает его руку своей рукой к груди. В зале темно и душно. Никто ни на кого не обращает внимания.

Тима роняет на пол шапку. Она сваливается у него с колен случайно. Он нагибается, чтобы поднять ее и освобождает свою руку. А в это время в зале зажигается свет. Все встают и идут к выходу.

На улице снег. Большие пушистые снежинки медленно падают вниз. На лице и руках они моментально тают. А на земле снежинки ложатся ровным слоем. Если ногу, не отрывая от тротуара, провести вперед, то у носка калоши образуется снежный вал, как у снегоочистителя на железной дороге. Тима и Валя скользят ногами по тротуару, точно на лыжах, и позади остаются четыре глубокие колеи. Свет от уличных фонарей играет синими огоньками в снежных звездочках. Тима и Валя идут молча, а потом Валя говорит:

– Ну, почему ты молчишь? Тебе противно со мной? Ну, скажи – противно? Раз молчишь, значит – противно!

– Не выдумывай, Валя, – говорит Тима.

– Нет, противно! – продолжает она. – Ты – мальчишка!

– Ты очень сильно кричишь, – замечает Тима.

Тут они доходят до дома Вали и останавливаются.

– Ты на меня не обиделся? – говорит, прощаясь, Валя. – Нет? Знаешь что, приходи ко мне завтра домой. У меня никого не будет дома. Придешь?

– Постараюсь. До свидания.

– Ну вот и хорошо. До завтра.

Но Тима так и не пришел к ней на другой день, потому что он записался в хоккейную команду и в тот вечер была первая тренировка.

Чужая слава

Участники соревнования по плаванию выстроились на мостках перед трибунами. Пловцы в купальных костюмах стояли вытянувшись, подтянув животы и расправив плечи. Это был парад. На правом фланге находились юноши, а на левом – девушки. Загорелые обнаженные тела отражались в спокойной воде бассейна. Пловцы стояли у самого края мостков, и вся шеренга казалась опрокинутой в зеркальной поверхности воды. На вышке играл оркестр, и над рекой летали чайки. Было шесть часов вечера, и солнце опускалось за мостом к горизонту.

Тима и Наташа сидели на трибунах напротив стартовых тумбочек. Они были знатоками водного спорта и знали, где нужно сидеть во время соревнований.

– Хороший вечер, – сказала Наташа.

– Да. Специально для соревнований, – улыбнулся Тима.

Оркестр сделал паузу. Тима указал на мостки.

– Третьим от края стоит чемпион. Фамилия его – Гид аров.

– Какие у него сильные плечи!

– Да, здоровый парень. А вон Дмитрий.

– Рыженький?

– Да. Он очень способный. Он всем еще покажет. Ему ведь только восемнадцать лет.

– Он моложе тебя!..

Ударил гонг. Это был сигнал, и шеренга спортсменов повернулась направо. Оркестр заиграл марш, пловцы обошли мостки кругом, прошли перед публикой и удалились в другой конец водной станции. Там были раздевалки. На стартовый плот вышли в белых костюмах члены судейской коллегии и секундометристы. Стартер начал вызывать команды на старт.

– Дмитрий поплывет кролем? – спросила Наташа.

– Да, это его любимый стиль.

– А ты почему перестал серьезно тренироваться?

– Я же очень занят на заводе. Вечерами учусь в техникуме. А теперь еще началась допризывная подготовка. Нам ведь с Петром призываться скоро.

– Если ты так занят, зачем же ты еще себе скрипку приобрел?

– Ну вот началось: зачем то, зачем другое? Люблю музыку и хочу научиться играть, вот и все.

– Лучше бы плавал, как Дмитрий.

– Я и это успею.

Участники первого заплыва вскочили на стартовые тумбочки. Перед ними была гладкая поверхность пятидесятиметрового водного бассейна. На темной воде белели тонкие пробковые перегородки. Они делили весь бассейн на семь дорожек. Стартер взмахнул красным флажком, и пловцы прыгнули в воду. Взлетели фонтаны брызг, оркестр заиграл фокстрот.

– Это неинтересный заплыв! – сказала Наташа.

– Не очень, – согласился Тима.

– И ты долго будешь так занят? – Наташа обернулась к нему.

– Да. Сейчас жаркое время. На заводе прорыв.

– Обидно не иметь свободных вечеров.

– Ничего! Смотри, сейчас будет замечательный заплыв, – сказал Тима. – Четыреста метров вольным стилем.

– Поплывет Гидаров?

– Да.

– Очень интересно! Он всех обгонит.

– Возможно. Но почему ты о нем так много говоришь?

– Нравится.

Первый заплыв кончился. К старту вышел Гидаров и занял первую тумбочку. Он чувствовал, что на него все смотрят, и старался глядеть на зрителей равнодушно. Встал на тумбочку во весь рост, потянулся и начал массировать на ногах мышцы. Остальные тумбочки также занимали пловцы. На вторую тумбочку рядом с Гидаровым сел Дмитрий. Он был в красных с белой полосой плавках. Вечернее солнце освещало его рыжие волосы.

– Почему Дмитрий? – сказала Наташа.

– Сам не знаю. Он совсем в другом заплыве должен плыть!

Стартер стал кричать в жестяной рупор фамилии пловцов и названия спортивных организаций, в которых они состояли. Он дошел до второй тумбочки, на которой сидел Дмитрий.

– Бочаров! Металлисты! – крикнул стартер.

– Какая-то ошибка! Это не его фамилия, – забеспокоился Тима.

– Посмотрим, что будет дальше, – сказала Наташа.

Стартер положил на стол рупор и взял в руки красный флажок. Все пловцы встали на своих тумбочках и начали размахивать руками, трясти ногами и делать глубокие вдохи и выдохи. Стартер сказал: «Внимание!» Пловцы застыли на тумбочках. Дмитрий рядом с Гидаровым выглядел мальчишкой.

– Какой он красивый! – Наташа не сдерживала восхищения.

– Кто? – спросил Тима.

– Ну, Гидаров!

– Ты все о нем!

В это время участники заплыва прыгнули по команде в воду. Еще в воздухе у них начали работать ноги. Кверху взметнулись брызги, а затем на темных дорожках засеребрились пенные следы удаляющихся пловцов. Гидаров сразу же оказался впереди, за ним тянулся пловец по крайней дорожке, остальные плыли сзади. В числе их был и Дмитрий. Он плыл кролем. Голова по брови была в воде, руки гребли медленно и поочередно, то левая, то правая. Ноги работали от бедра быстро-быстро, они то нажимали на воду, то выталкивали ее вверх. За ногами тянулся шлейф из пены. При каждом взмахе левой руки Дмитрий слегка поворачивал голову в сторону и хватал ртом воздух. На повороте Дмитрий дотрагивался до щита с нарисованной на нем двойкой, быстро поворачивался и сильно отталкивался ногами от крашенных деревянных досок. Расстояние между ним и Гидаровым не уменьшалось и не увеличивалось. Так проплыли они пятьдесят метров, сто, сто пятьдесят. Потом Гидаров на повороте оглянулся на противников и усилил темп работы рук. Он уходил вперед, за ним быстрее поплыли и остальные, а Дмитрий плыл все так же. Ему было плохо. «Больше не могу, – думал он, – сейчас кончусь!» Но продолжал плыть. Ноги казались свинцовыми, руки тоже еле поворачивались, в груди не хватало дыхания. Выкидывая голову из воды, чтобы набрать воздуха, Дмитрий видел сквозь пленку воды, заливающей глаза, зрителей на трибунах. Они казались ему нереальными. Люди преломлялись сквозь воду и были похожи на цветы в оранжереях. В ушах стоял звон. Это, наверное, кричали болельщики Гидарову. Дмитрий ничего не понимал. Дышать в груди мешал какой-то комок. Может, стоит сойти с дистанции? Это так легко, нужно остановиться, взяться рукой за белую пробковую перегородку и устало поднести руку к голове. Ни за что! Лучше приплыть последним.

Тима печально смотрел на Дмитрия, а Наташа с неизменным восхищением на Гидарова. Дмитрий все отставал. Ему все еще было плохо. Но это был критический момент. На одном из поворотов Дмитрий взглянул на публику. Зрители махали платками и кепками. «Еидарову!» – подумал тоскливо Дмитрий. Потом им овладела злость. Не давать первого места Еидарову! Выиграть! Дмитрий почувствовал в себе большой запас энергии. Он выдохнул испорченный воздух. Дышалось уже свободнее. Опасный момент миновал. Дмитрий ускорил работу

рук. Зрители заметили это сразу же. Пловец на последней дорожке обмяк, он не выдержал и сдал. Остальные пловцы тоже не рассчитали своих сил и плыли вяло. Дмитрий обогнал их всех и стал догонять Еидарова. Еолова Дмитрия была на уровне ног Еидарова. Тима подскочил на своем месте и схватил Наташу за руку.

- Ната, смотри, Димка-то!
- Не ожидала! – Наташа пожалала плечами.
- Ты знаешь, он правильно сделал, что не погнался сразу же за Гидаровым.
- Но Гидаров все равно возьмет.
- Это неизвестно!

Зрители уже не могли сидеть спокойно. Они кричали Гидарову и Дмитрию. Борьба была захватывающей. Гидаров и Дмитрий далеко ушли от других пловцов и плыли наравне. Гидаров плыл резкими, злыми движениями. Он был уверен в победе. А Дмитрий продолжал работать руками по-старому – мягко и вкрадчиво. Продвигался в воде, как шило. Вот последние пятьдесят метров! Первым от щитка оттолкнулся Дмитрий. Он вытянулся и отдохнул, используя скольжение после поворота. Потом заработал руками в очень быстром темпе. Его ноги стали выбрасывать пену, как винт моторной лодки. Гидаров сразу отстал на три метра. Ему не прошел даром слишком резвый старт. Зрители кричали, свистели и били в ладоши. Дмитрий плыл все быстрее. Вот его рука коснулась щитка. Он выиграл.

Дмитрий вылез из воды. Все кричали: «Бочаров! Бочаров!» Но он схватил полотенце и побежал к раздевалке. Победа была значительной. Дмитрий выиграл у чемпиона. Тима тянул Наташу за руку:

- Ната, Ната! Пойдем выясним. Ведь фамилия-то не его.
- Да. Это что-то странное. А Гидаров-то хорош! Больше я на него не гляжу.
- Вот и хорошо. Пойдем скорее к Димке.

Наташа и Тима встали со своих мест и пошли к раздевалке. На стартовых тумбочках уже стояли новые пловцы, но Тима и Наташа не интересовались ими, они спешили к победителю.

В жестяной рупор громко на все трибуны передавали результаты последнего заплыва. Металлический голос прокричал:

- Пловец Бочаров установил новый рекорд!
- Все зрители опять закричали и захлопали в ладоши.
- Молодец! – сказала на ходу Наташа.
- Кто? – спросил Тима.
- Да Бочаров.
- Какой же это Бочаров?
- Ну Димка твой.

Они добежали до раздевалки. Наташа осталась у дощатой стены, а Тима пошел внутрь. Наташа сказала ему вслед:

- Говорите громче, чтобы и мне было слышно.
- Ладно, – буркнул Тима.

Он вошел и увидел в углу Дмитрия. Тот сидел на лавочке в своих белых с красным плавающих, и мохнатое полотенце лежало на его коленях. Дмитрий плакал.

- Ты что, дурак или кто? – сказал взволнованно Тима. – Ты что плачешь?

Дмитрий молчал. Тима спросил его:

- Как это случилось?
- Он растянул себе ногу, ну все и решили поставить меня, благо нас никто не знает, – сказал Дмитрий.

- Говорите громче. Мне ничего не слышно, – кричала за стеной Наташа.
- Ну и что же ты плачешь? – опять спросил Тима.
- Обидно! Я плыл, а ему слава.

– Ты же знал, на что шел. А потом – все-таки ты выиграл, а не я, не Наташа и никто другой! Фактически-то!

– А слава-то ему.

– Но ведь победа-то за тобой. Ты лучше всех плыл. Ты и завтра проплывешь лучше всех. И под своей и под чужой фамилией. Перед тобой все открыто, чудак!

– Завтра! А мне сегодня обидно.

– Вот ты какой! Я не знал, что ты такой честолюбец.

Наташа стучала в деревянную переборку и кричала в щель:

– Димка, Димка! Тима! Да что вы там, умерли, что ли? Скорей одевайтесь. Я хочу тоже все слышать. Откликайтесь.

Но Тима молчал. Ему было досадно. Друг, по его мнению, плакал из-за сущей чепухи. Важнее ведь было совсем другое...

Тиме только сейчас пришло это в голову. Важнее было то, что произошла не ошибка, а самый настоящий обман. Тима чувствовал, как начинает краснеть. Он не мог бы в эту минуту взглянуть в глаза Наташе, словно был соучастником...

Небо меняет цвет

- А нам сегодня в наряд.
- Мы же недавно были.
- Что же, я врать буду?
- Значит, опять в караул?
- Да.

Этот разговор мы вели у длинного стола за палатками, около пирамид для оружия. На столе лежали наши винтовки, и мы их чистили. Накануне вся рота ходила стрелять, и теперь нужно было особенно хорошо вычистить оружие. Старшина кружил около стола и грозился обнюхать винтовки; он кипятился потому, что сегодня должен быть парад. И должны приехать шефы, – в лагерях был дивизионный праздник.

Я тщательно прочистил ствол и казенную часть винтовки. Для проверки несколько раз сам совал нос внутрь: пахло холодным и чистым металлом. Потом занялись смазкой. Это было искусство. Металл нужно было покрыть тонким слоем масла, еле заметным слоем. У меня для этого существовала старая зубная щетка, я опускал ее в масло, встряхивал и легко проводил ею по металлу только в одну сторону. Получалось неплохо. Промазав все маслом, вытер тряпкой деревянные части винтовки и вложил затвор на место. Потом пошел ставить винтовку в пирамиду, а в это время прибежал Петр Дорохов.

- Шефы приехали! – крикнул он.
- Уже.

Я заспешил и, подтянув у винтовки ремень, поставил ее в пирамиду. А у столика поднялся шум: боец Куницын уронил на песок свой затвор. Это грозило ему еще получасом лишней работы, а он ругал на чем свет стоит Дорохова. Кричал, что тот его испугал. Я подошел к столу, мы посмеялись над Куницыным, а потом Петр сказал мне:

- Тима, шефы приехали, сапоги почисти.
- Да, да, спасибо.

Он был прав. Сапоги были пыльные, и я побежал их чистить. Немного дрожали руки, когда я брал сапожную щетку. Шефы приехали! Это было важным событием лично для меня. Над нашим полком шефствовал завод, где я работал. Там же работала и Наташа. Она уже полтора месяца не присылала мне писем. Было очень странным ее молчание. В последнем письме она сообщала, что хочет навестить меня. И больше писем не прислала. Особенного я пока еще ничего не предполагал, наверно, она сильно занята или нездорова. Вот беда, правый сапог отказывался блестеть: на него попало несколько капель воды.

Пока копался, шефы прошли прямо на плац, где должен был быть парад. Я видел только их затылки, когда они проходили мимо палаток. И, даю честное слово, я заметил невысокую девушку в красном жакете. Она шла вместе со всеми. Я не мог ошибиться. Только у нее одной могли быть такие волосы. Золотые россыпи! Некоторые пряди у нее были темные и отливали бронзой. Ее волосы всегда были зачесаны назад, словно ветер относил их, и от этого голова казалась устремленной вперед. Она была похожа на летящую гордую птицу. Да, это была Наташа. Приехала! Теперь у меня оба сапога блестели совершенно одинаково.

Началось: мы выстраивались с винтовками и равнялись. На плацу играла музыка, и туда шли полки всей дивизии. Скоро и мы с песней пошли на плац. Он уже был заполнен, и мы встали в задних рядах. Стояли «вольно» и тихо разговаривали, но из рядов не выходили. Было очень жарко, облака словно крались по небу, они плыли у самого горизонта, и солнце вволю лило свой жар на лес, на реку и на нас. У меня взмокла на груди рубашка, но я не унывал и смотрел в голубое небо.

Вскоре в колоннах началось движение. Все подтянулись, выставили подбородки. «Смирно!» Стало тихо. Сквозь просвет в рядах очень далеко было видно командира дивизии. Он шел по полю, потом остановился и взмахнул пашкой. Солнечные лучи заиграли на стальном клинке, который точно расплавился. Командир дивизии отдал рапорт приехавшему из Москвы начальству, и вот они все пошли мимо наших колонн. Здоровались, а мы дружно отвечали. Они ушли далеко-далеко, но было так тихо, что к нам их голоса доносились ясно.

Началось прохождение колонн мимо трибун. Оркестр заиграл церемониальный марш, и мы повернулись направо. Теперь мимо трибуны я должен был уже пройти в первых рядах. Колонны проходили быстро. Музыка играла непрерывно, было два оркестра, и они сменяли друг друга. Когда я подходил к трибунам, мне казалось, что я разыщу Наташино лицо и улыбнусь ей, но мимо трибун нужно было идти быстро, вытянув руки по швам, не сгибая ног в колене и повернув лицо направо. Это было очень трудно. Я видел на трибунах сплошную разноцветную массу, веселые радостные лица, все кричали так же, как и мы, «ура». Потом я увидел командира дивизии с черной холеной бородой, он приветствовал нас. Потом опять замелькали лица, как в кинематографе, и внезапно все это кончилось, словно оборвалась лента. Мы прошли трибуны и пошли уже свободно. Наташу я не заметил, но был уверен, что она меня видела.

После парада шефы сразу же пошли осматривать наши палатки. Это было излюбленным занятием всех, кто приезжал в наши лагеря; это прямо стало привычкой, а мы тем временем отправились курить. Потом я пошел к беседке, в которой был красный уголок, потому что наши гости всегда после палаток осматривали красный уголок.

Так и получилось: шефы пришли к беседке. Я увидел Наташу, она шла вместе со всеми. Я увидел также и слесаря Николая Воронцина, и старика Ивана Ильича, и рослого широкоплечего Сколбянского, начальника сборочного цеха завода. Они все поздоровались со мной. Я ответил на их приветствия, а потом улыбнулся Наташе и подошел к ней.

– Здравствуй, Тима! – сказала она.

– Здравствуй! Ты меня видела?

– Где?

– На параде?

– Нет, вы все были такие одинаковые и быстро шли.

– Жалко. Ты привезла мне книжку о Кирове? Она в красном переплете, у меня дома в столе. Нашла?

– Нет, забыла.

– Я же тебе писал! Она мне очень нужна, а здесь в библиотеке нет. Все на руках!

– Вернусь, вышлю. Ко мне мама приехала.

– Это хорошо. А на заводе как? Достроили новый цех?

– Да, уже станки устанавливают.

– Молодцы! А ты почему так долго не писала?

– Ну, как долго? Всего неделю.

– Хороша неделя! Я уже думал, забыла.

– Пойдем туда.

И она пошла в беседку, где были все остальные. Они рассматривали работы наших художников. Я стал рядом с Наташей и тихо сказал ей:

– Я страшно рад, что ты приехала.

– Да?

Она смотрела на плакат, на котором был изображен фашист, крадущийся к нашей границе.

– Здорово нарисовано?

- Да!
- Это наш парень рисовал. Его посылают учиться в академию.
- А как твои успехи?
- Хороши. Я один из первых. Слушай, Ната, а у тебя волосы еще светлей стали.
- Выгорели.
- На водной станции бываешь?
- Нет, просто каждый выходной езжу за город вместе со всеми.
- С кем?
- Ну, с завода – девчата. Массовка!

Тут все начали выходить из беседки, и Наташа тоже двинулась к выходу. А мне так хотелось с ней поговорить. Я хотел сказать что-то важное. Что именно особенного хотел я ей сообщить, для меня было неясно, потому что мы друг друга хорошо знали, и все нам было уже известно. Мы вышли на аллею и пошли к клубу. Шефам не терпелось посмотреть и его. Наташа шла вместе со всеми, я потянул ее за рукав в сторону и спросил:

- Ты останешься до вечера?
- Нет, нет, я поеду со всеми.
- Почему? Я тебя провожу до поезда. Я освобожусь от наряда. Мне разрешат.
- Нет. Раз приехала со всеми, надо вместе и уезжать. Неудобно.
- Но мне очень хотелось подольше побыть с тобой.
- Я приеду как-нибудь еще одна. А сейчас это невозможно.
- Да, но...
- Пойдем, пойдем. Мы очень отстали.
- А что нам за ними ходить!

Она молчала и шла очень быстро. Мне приходилось почти бежать за ней.

- Серьезно, Ната, пойдем на плац.
- Зачем?
- Там сейчас будет инсценировка воздушного налета.
- Мы, наверно, увидим и отсюда.
- Нет, это будут штурмовые самолеты. Они пройдут низко над землей. Очень интересно!

Ты же это любишь.

- Мы сейчас все туда пойдем.

Но никто так и не ходил смотреть инсценировку боя. Она быстро закончилась. Я слышал далекий рев самолетов и трескотню пулеметов в то время, когда все мы торчали в клубе. Было обидно! Я и сам любил смотреть военные игры.

Подошло время обеда, и мне пришлось уйти: ведь обедать у нас ходят строем. В столовой было прохладно, там гулял сквозняк, и от берестовой крыши падала глубокая тень. Мы ели хороший, жирный борщ, и я думал о Наташе, но мысли мои перебил Петр:

- Ты уже пять минут трясешь перечницей. Что ты этим хочешь доказать?
- А?

В самом деле, борщ мой покрылся словно пеплом, я перестарался.

После обеда гости уезжали. Они хотели попасть домой засветло. Шоферы уже заводили машины, шефы приехали на заводских грузовиках. Комиссар полка тряс Сколбянскому руку и просил не забывать. Остальные рассаживались по машинам. Шоферы сели в кабины. Я стоял около грузовика, Наташа влезла наверх и тоже села. Я поманил ее рукой, она нагнулась ко мне, и я, волнуясь, не совсем складно сказал:

- Ты ко мне относишься как всегда?
- То есть?
- Ну, ты понимаешь.
- Тима, скажи-ка... у вас здесь часто бывают дожди? Что-то стало пасмурно.

– Не особенно часто. Когда я приеду, будем жить вместе?

Наташа посмотрела на меня, потом ее глаза скользнули мимо моего лица, и она улыбнулась, но только не мне. Я не знал, кому она улыбалась. Я оглянулся. Сколбянский уже влез в грузовик, комиссар отошел в сторону и поднял руку кверху: он указывал на дождевые облака, которые неожиданно появились откуда-то. «Ничего!» – махнул рукой Сколбянский. Они хотели ехать, но Наташа с каким-то внезапным волнением, таким резким по сравнению с сегодняшней необычной для нее скованностью, перегнулась через борт. Она словно решила разом развязать что-то угнетающее ее с самого утра:

– Ты знаешь, я чуть не забыла. Это тебе. Я должна была бы с самого начала, но...

И подала мне маленькое письмо. Грузовики тронулись, провожающие прошли немного за ними, а я посмотрел на небо: дождя, может быть, и не предвиделось, но небо меняло цвет и становилось серым и рыхлым. Я распечатал конверт: на небольшом клочке бумаги было написано: «Я – жена Сколбянского. Объяснения излишни». У меня похолодели кончики пальцев, их стало покалывать, как ногу, когда ее отсидишь; может быть, пальцы даже посинели, но я на них не смотрел. Я заставил себя смотреть на небо. Оно меняло цвет. Небо точно спустилось ближе к земле, нижний слой облаков был похож на серые рубища, они быстро пронеслись мимо, чуть ли не задевая лохмотьями за вершины деревьев. Второй слой облаков, повыше, был цвета морской пены, и они двигались в противоположную сторону. Может быть, облака стояли на месте и движение их было обманом для глаз, но это неважно. Самое главное было то, что голубой цвет неба виднелся лишь в небольших окнах, между облаками. Он казался далеким и невозвратно утерянным. Такая резкая перемена на небе могла быть только осенью. Поднялся ветер и вырвал из моих рук исписанную бумажку, которую я держал не совсем крепко.

– Раушев! – кричали где-то за деревьями.

Я узнал голос Петра Дорохова. Вскоре я услышал за спиной скрип его тяжелых сапог. Он увидел меня:

– Тима, ты где пропадаешь? Пора в наряд!

– Куда наряд?

– Кухня! Чистить картошку!

– Опять! Видно, картошка не любовь: она не изменяет.

– Что, что?

– Любовь не картошка, говорю!

– Это ты к чему?

– Да просто так пришло в голову.

– Шутник!

В эту ночь мы чистили картошку, как обычно, на весь полк.

Ошибка Петра Дорохова

Бойцы ворвались в лес и побежали прямо сквозь кусты, спотыкаясь об упавшие деревья, спускаясь в овражки и на всем ходу перепрыгивая через ручейки. Винтовки они держали наперевес и кричали «ура», а когда выбежали на поле, то не остановились и продолжали ураганом мчаться вперед через стриженое поле, с которого давно был убран хлеб. Это была атака. Пулеметчики вбежали на пригорок и установили пулеметы, которые притащили на своих плечах. Они тотчас начали стрелять по видневшейся впереди стене серого дыма. Там должны были скрываться люди, но неожиданно оттуда выползли танки. Появившиеся из дымовой завесы танки неприятно поразили сознание: это была ловушка.

Танки открыли огонь, все упали на землю и, прижимаясь к ней, стали готовить ручные гранаты. Пулеметчики стреляли вовсю, клювы пулеметов вздрагивали. А сзади лежащих бойцов заряжали противотанковые пушки, их только что успели подвезти. Тогда все вздохнули свободнее. Но в этот момент появились штурмовые самолеты, которые летели с ревом на высоте двадцать метров, и сквозь невыносимый шум их моторов слышны были очереди пулеметов. Бойцы поползли обратно к лесу, атака была отбита. Бойцы отступали, проклиная замешкавшиеся где-то танки своей части. А зенитные пулеметчики стреляли по самолетам, но те уже скрылись из глаз. Исчезли также быстро, как и появились.

Бойцы вернулись в лес. Танки на всем ходу сделали у леса разворот. Они стали обходить его с флангов, а стрелки врага, бежавшие группами за танками, проникли в лес, где, путаясь в кустах, уносили пулеметы бойцы.

Противник отбил атаку, и пехота возвратилась на исходные позиции в окопы, расположенные в четырехстах метрах от леса. Бойцов утомил этот неудавшийся бросок, но отдыхать еще было рано, – атака вызвала контратаку врага, и требовалась упорная защита позиций. Отстоять их нужно было во что бы то ни стало. Это была особенно трудная задача, потому что по всей линии фронта положение было напряженное.

Бой отчетливо был виден с воздуха. Замаскированные до поры до времени в желтеющей листве и траве войска пришли в движение. Местность была причудливо изрезана серебряной линией реки. Войска расположились по ее берегам. В одном месте реки саперы наладили понтонную переправу, и черные точки людей быстро передвигались по колышущемуся мосту.

Из молодого лесочка куда-то спешила конница. Она группировалась за сосновым бором. Сверкали, похожие на иголки, шашки, и маленькие кони, видимо, мчались во весь карьер. Но это не производило серьезного впечатления, – сверху все казалось игрушечным. Слышались глухие орудийные залпы. В прозрачном осеннем воздухе таяли черные и серые кружева порохового дыма. На правом берегу, где расположились силы противника, по краям полей, как жучки, ползли упорно танки.

Петр Дорохов лежал в окопе и стрелял из винтовки. Он щурил левый глаз, выбирая цель, на секунду задерживал дыхание и нажимал спусковой крючок. Винтовка вздрагивала, а Петр правой рукой быстро открывал затвор, и желтая пустая гильза, остро пахнущая порохом, летела в сторону. Потом он закрывал затвор и вновь прищурился голубой глаз. Во время смены старых, использованных обойм Петр оборачивался к лежащему рядом Тимофею и шутил с ним. Оба устали от атаки, но не потеряли вкуса к метким и веселым словам.

– Я так вспотел, что боюсь подмочить патроны, – сказал Тимофей.

– Ты напомнил мне анекдот про одного барабанщика, у которого всегда были потные подмышки... – но Петру не удалось закончить.

По окопам передали громко:

– Бойца Дорохова к командиру!

– Есть в дальнем плавании! – Петр махнул Тимофею кистью руки.

Он дернул себя за ухо, инсценируя сигнал отправления, шелкнул языком и пополз прочь от Тимофея.

В землянке командир предложил Петру сесть и спросил его:

– Скажите, вам известно наше положение?

– Да, неважное, но возможны варианты, – сказал Петр.

– Верно, но вариант только один!

– Может быть!

– Добраться до наших танковых расположений, потому что телефонная связь прервана, а сигнальная невозможна.

– Так!

– И добраться должны вы. Комсомольский организатор и расторопный парень, я думаю, покажет пример! Вот пакет.

– Есть!

– Вы знаете, в каком направлении идти? Роща у болота и лесок! Возможно, что они уже заняты противником. Тем сложнее и почетнее ваша задача.

– Есть!

Петр спрятал пакет с донесением за пазуху, прополз до конца окопа и выбрался из него там, где был склад испорченных противогазов. Они загремели под его ногами. Подтянувшись на руках, он выполз из окопа. Выпрямляться было нельзя, и Петр стал передвигаться на четвереньках. Ноги наступали на полы шинели, и Петр завернул концы их за пояс. Дополз до оврага, спустился в него и побежал. Когда по бокам оврага замелькали деревья, Петр выбрался наверх и увидел, что находится в березовой роще. Он очень любил природу и каждый раз, как только попадал в лес, срывал молодые листочки и жадно нюхал их, растирая между пальцами. А сейчас он бежал сломя голову между деревьев, оступался и прыгал через пни, не обращая никакого внимания ни на нежный цвет березовых листьев, ни на овраг, красиво пересекающий рощу Бежал, работая локтями, как на спортивном состязании.

Роща кончилась, и начался спуск под гору. Бежать стало легче. Быстрее! Передать пакет! Мысли вертелись вокруг главного, и Петр забыл о болоте. Оно начиналось как раз в конце горки. Ветер закидал его сухими листьями, и оно было незаметно. Петр влетел с размаху в болото, и нога его с чавканьем ушла в трясины. Петр выдернул ногу из вонючей жижи и прыгнул на видневшуюся впереди кочку. Он решил пробраться через болото по кочкам и запрыгал по ним, как заяц. Ноги срывались со скользких пней, он попадал руками в воду. В самом конце болота Петр промахнулся, прыгая на землю, и упал на бок в грязь. Когда поднялся, шинель была мокрая и пахла гнилью. Петр побежал дальше. Вбежал в лес. Здесь нужно быть осторожнее! Он остановился и вздохнул полной грудью. Сердце билось в бешеном темпе. Петр двинулся дальше. Перебирался от куста к кусту, от дерева к дереву и прислушивался. В лесу было тихо. Он двигался быстрее. Впереди между деревьями мелькнул просвет. Петр вышел к опушке. Высунул, как волк, голову из кустов и осмотрелся. Задумчиво шелестели своими красноватыми листьями осины. Опушку можно было пересечь по прямой линии или обойти ее, прячась в кустах. Он решил бежать прямо, так было скорее.

Петр вышел из орешника и побежал через лесную полянку. Когда достиг ее середины, слева в кустах суматошно затрещал пулемет. В тишине леса выстрелы звучали неожиданно и грозно. Петр вздрогнул и на мгновение остановился. Судорожно ощупал руками свою грудь и рванул вперед. Пулемет захлебнулся и смолк, а из кустов выскочили двое стрелков и командир.

– Стой! – закричали стрелки Петру.

– Разрешите догнать? – обратился один из них к командиру. – Свяжной! Обидно, уйдет!

– Догоняйте, хотя он и так нам не будет опасен.

Стрелки погнались за Петром, а командир опять скрылся в кустах. Там около пулемета лежал телефон, и он взял телефонную трубку.

Петр вбежал в лес. Ветка хлестнула его по левому глазу. Он схватился за глаз рукой и продолжал бежать. Провал! Поймают! Отнимут пакет! Сзади уже трещали кусты, это была погоня. Бежать было трудно, мешали ветки. Они били по его стальному шлему. Петру не хватало воздуха, и в боку от неправильного дыхания стало покалывать. Бег проходил по сильно пересеченной местности: то спуск, то подъем, то овраг. И это утомляло. Но вот Петр выбежал на ровное место. Кустов впереди не было, и он прибавил ходу. За ним следом выскочила погоня. Стрелки поочередно останавливались и стреляли из винтовок. Они устали и бежали только ради азарта. Один из них зацепился ногой за высовывающийся из земли узловатый корень и упал. Прокатился несколько метров и уткнулся носом в траву.

– Слезай, приехали! – сказал он подбежавшему к нему товарищу.

Тот сел около и стал завязывать обмотку. Во время погони она распустилась и мешала бежать.

– Убег! – сказал он, кончив возню с обмотками.

Они встали, отряхнулись и пошли обратно. А Петр все бежал, и вот впереди сверкнула вода. Удача! За рекой должны стоять танки! Погоня отстала. Скорей, скорей! Он подбежал к реке и остановился. Река была неширокая, но глубокая. Петр побежал вдоль ее берега в поисках переправы и увидел свежесрубленное дерево, переброшенное поперек реки. Стал переходить по дереву. Сапоги скользили по коре, и он балансировал руками. Необрубленные ветки мешали, но Петр осторожно продвигался вперед. На середине реки он все же равновесие потерял. Он стоял в этот момент на одной ноге, и сучок обломился под каблуком сапога. Петр вскрикнул и грузно завалился на бок. Листва и ветки расступились под тяжестью его тела, и он погрузился в воду. Под воду ушел с головой, но быстро вынырнул и схватился за ветки дерева. В сапоги и за шиворот – всюду проникла холодная вода. Он отфыркивался и пытался влезть на дерево, но это не удалось. Намокшая шинель тянула ко дну. Тогда Петр, хватаясь руками то за одну, то за другую ветку, не вылезая из воды, стал продвигаться к берегу.

Берег становился все ближе и ближе. Петр нащупал под ногами дно. Он вышел на сушу и на минуту присел. Голова его от усталости поникла на грудь. Вода стекала с одежды, и было слышно, как она ручейками возвращалась обратно в реку. Потом Петр встал и пошел. Через несколько шагов опять побежал, но уже медленнее. Не хватало сил.

Танки стояли, замаскированные в кустах. В зелени их не было заметно. Когда Петр подбежал ближе, из кустов появились бойцы. Они провели его к командиру.

– Вот! – сказал Петр, подавая ему пакет.

– Хорошо, – ответил командир.

Он передал пакет стоящему рядом с ним посреднику с красной повязкой на руке. Тот, не читая, разорвал пакет в мелкие клочки и сказал Петру:

– На маневрах ваш поступок – ошибка! Условно вы уже давно убиты!

У Петра от волнения и усталости подкашивались ноги. От холода дрожали колени. Вода еще стекала с его шинели. Но он подбадривал себя мысленно: «Это ничего! Смелей, смелей! Гляди орлом!»

– Что у вас с глазом? – спросил командир.

– Ударил веткой.

– Отправляйтесь немедленно к санитару. Стойте! От лица службы объявляю вам благодарность. Идите!

Петр повернулся и пошел. Шел вначале с серьезным лицом, но потом рассмеялся. Он не потерял вкуса к комическим положениям. Как он гремел своими сапогами, чуть ли не по самим пулеметам противника! Это все-таки было сделано ловко!

Главное – это сердце

С утра Николай не смог пойти на медицинский осмотр. Тимофей и Женя ушли с завода без него. Николай пошел позднее. Он шел и горевал, что не удалось пойти вместе со всеми. Откровенно говоря, Николай сильно трусил, боялся, что его не допустят в летную школу. Идти со всеми все же было бы не так страшно. Николай волновался. Он никогда еще не подвергал себя серьезному врачебному осмотру. Ему казалось, что врачи могут задержать его. Главное, чтобы было здоровое сердце!

Он пришел в амбулаторию. Тимофей и Женя сидели в приемной, рассматривали свои медицинские карточки. Увидав Николая, они подозвали его.

Николай подошел и спросил:

- Ну, как?
- Да здорово, – ответил Тимофей.
- Что же?
- Допущены оба.
- А сердце?
- Отлично. Вот.

Женя протянул ему карточки. Николай присел в кресло и прочитал те места, где говорилось о сердце: «Тоны сердца чистые. Шумов нет. Работа нормальная». Он вернул карточки.

– Что же, поздравляю! Тебе-то, Тима, нечего было и беспокоиться. Ты ведь недавно из армии.

- Полгода прошло. Могло что-нибудь испортиться. Сердце или легкие.
- Теперь ты иди, – сказал Женя.
- Боюсь, меня не пропустят.
- Чудак! Ты же еще не знаешь.
- У меня мать умерла от порока сердца.
- Ну и что же?
- У меня тоже иногда сердце колет.
- Ты все выдумываешь. «Тоже колет»!

Женя и Тимофей рассмеялись, а Николай посмотрел печально. Потом он встал:

- Ну, я пойду.
- Иди, иди, порок сердца!
- Вы меня не подождете?
- Пожалуй, нет. Ты нам вечером все расскажешь. Придешь в клуб, там будет кино.
- Что показывают?
- Три последние абиссинские кинохроники.
- Я уже видел. Но я посмотрю еще раз. Это полезно.

Тимофей и Женя поднялись. Николай пошел к дверям и оглянулся. Они махнули ему рукой ободряюще. Он улыбнулся и вышел. В регистратуре получил карточку и наклеил на нее свое фото. Сестра приложила печать, и он пошел по кабинетам.

У доктора был сердитый вид. «Не допустит», – подумал Николай. Но оказалось, это не тот доктор. Николай перепутал кабинеты. В другом кабинете доктор был веселее. Впрочем, здесь их было несколько. Одни искали внешние недостатки у пациентов, другие – внутренние.

- Подойдите сюда, сказал один из них. – Раздевайтесь. Год рождения?
- До восемнадцати лет не хватает двух месяцев, – ответил Николай.
- Хорошо. Раздевайтесь догола. Какими болели болезнями? Переломы рук, ног есть? Ушибы? Как аппетит, сон?

Николай отвечал. Он протягивал доктору поочередно то правую, то левую руку. Отходил в сторону. Ходил. Показывал ноги. Нагибался.

Он никогда не думал, что потребуется столько движений. Ему было немного стыдно. Он остался в одних коротких трусах, а его так бесцеремонно рассматривали! Он краснел. Чувствовал это и злился на себя. Глупо, ведь в комнате нет женщин.

Потом перешел к терапевту. Рыжеватый старичок со спадающим с носа пенсне, видимо, был большой специалист. Он спокойно начал постукивать по телу Николая, прощупывать, прослушивать. Врач говорил с одышкой:

– Дышите. Не дышите...

Николай смотрел на лысину прильнувшего к нему доктора. Потом перевел глаза на его халат. Под ним виднелась военная гимнастерка. Николаю приказали прыгать. Положив руки на бедра, стал прыгать и отсчитывать прыжки.

– Довольно, – сказал рыженький доктор, взял его за руку и нащупал пульс.

Решается судьба! Николай старался дышать медленно, чтобы успокоить сердце. Ровнее. Но сердце билось вовсю. И вдруг оно затихло. Николай подумал, что все в порядке, а сердце забилося вновь.

Ему велели опять прыгнуть. А потом положили на койку. Доктор изучал его пульс и слушал сердце. Николай пытался проследить за выражением наклонившегося над ним лица. Поднятая бровь. Вопросительный взгляд. Движения губ. Все это могло подсказать, что думает доктор. Но тот поправлял пенсне, невозмутимо сопел и слушал, слушал, слушал. Потом Николаю надели на бицепс левой руки резиновую повязку. Доктор поправил пенсне и стал надувать ее. Для этого он не спеша нажимал на резиновую грушу вроде той, которой пользуется парикмахер, когда опрыскивает одеколоном. И внимательно смотрел за колеблющимися столбиками ртути. Они были видны в У-образной стеклянной трубке стоящего перед ним на столе прибора.

Николай не знал, что это за прибор. Но чувствовал, что его руку начинает сжимать, как кольцом. Все сильнее и сильнее. Сердце забилося резко. Николай задержал дыхание. Он считал, что сердце необходимо заставить работать нормально. Но не мог, оно его не слушалось. Доктор перестал надувать грушу. Он встал, отдал Николаю медицинскую карточку и сказал:

– Одевайтесь! Идите по остальным кабинетам. Закончите – и сюда, с карточкой.

Николай так и сделал. В коридоре просмотрел медицинскую карточку, но там о его сердце еще ничего не было написано. И он пошел к глазнику. Здесь было проще. Не нужно было волноваться. Главное – сердце. Николай это отлично понимал. Он прочитал вслух без запинки все буквы на ярко освещенной диаграмме. Его не перебивали и не переспрашивали.

В кабинете по нервным болезням Николай освободился быстро. Он постоял перед доктором, закрыв глаза и вытянув руки. Пальцы на них были растопырены. Они не дрожали.

Остался еще один кабинет: проверить слух. Доктор поставил его в угол комнаты, отошел и зашептал, а Николай слушал и повторял за ним громко:

– Тридцать шесть... Двадцать один. Сорок два.

Все прошло гладко. В углу было хорошо слышно.

Затем Николай сел на специальный стул. Доктор велел ему закрыть глаза и отогнул его голову набок. Он начал вращать стул. Быстро, быстро. Внезапно врач остановил стул и велел открыть глаза. Это была скверная штука. Мир сразу покачнулся в глазах Николая. Стена накренилась вправо. Николай видел, как пуговица на кармане халата врача понеслась вбок. От нее расходилось кругами какое-то сияние. Николаю показалось, что он кренится влево. На самом же деле он продолжал сидеть прямо. Ему только хотелось покачнуться влево, чтобы сохранить равновесие. Но он сидел прямо. А доктор следил, не качнется ли пациент. Это было испытание. Николай подумал: «Наверно, в самолете так же, – и потом: – «Вот я и завалился». Но доктор сказал ему спокойно:

– Не тошнит? Позовите следующего.

Все. Теперь нужно было идти в первый кабинет. Снова появилось волнение. Все врачи пропустили его и написали «Годен». Почему же рыжий ничего не поставил? Наверное, есть сомнение. Сердце, сердце!

Николай пришел и протянул рыжему старичку свою карточку. Тот взял ее, просмотрел и написал размашисто: «Годен к поступлению в летную школу и прыжкам с парашютом». Это было неожиданно и очень просто.

Николай спросил:

– И все?

– А что же еще? Идите, вам поставят в регистратуре печать.

Это было слишком просто. Значит, здоров. И сердце. Знаменито!

Николай присел в приемной. Просмотрел карточку. Жалко, что его не подождали Женя и Тима. Можно было бы поговорить. Как это ловко – допущен! Это замечательно – годен!

Он прочитал в карточке: «Сложение атлетически-мускулистое». Это у него? Да! Николай никогда не обращал внимания на свое тело. Широка ли у него грудь? Крепки ли руки, ноги? Это его не волновало. Ему было все равно. Он не интересовался этим. И не к чему было. Пожалуй, даже стеснялся об этом думать. А теперь это стало очень важным.

Николаю захотелось посмотреть на свои руки. Он закатал рукава сорочки. Так и пойдет домой! На улице тепло.

Руки у него большие и ширококостные, с упругими дольками мускулов. Совсем мужские. Да, он мужчина. Уже настоящий мужчина! Как Тима, и даже... Нет, Тима мужественнее, но он старше его намного и в Красной Армии был.

Все обошлось как нельзя лучше. И главное – просто. И сердце не подкачало. Правда, сначала было много волнений. Ну, да кто же не волнуется? Особенно в таких случаях. Николай встал и оглянулся, словно хотел увидеть того, кто не волнуется. Сложил вчетверо медицинскую карточку и пошел к выходу. Он держал ее в руках и шел широкими шагами. На улице только что прошел дождь, и на асфальте словно была разлита ртуть.

Вместе с ним вышел высокий юноша. Широкоплечий и с длинными руками. Он поравнялся с Николаем и повернул к нему лицо. Шевельнул ладонями и сказал:

– Вот и не пропустили.

– Вас?

– Нуда.

Они пошли вместе, и Николай спросил:

– Что же так?

– Шумы.

– Где?

– Да в сердце.

– Обидно...

– Что обидно?

– Ну что не пропустили.

– Еще бы!

Они завернули за угол, и юноша продолжал:

– А я-то мечтал! Два раза пытался. В прошлом году и сейчас.

– А где вы работаете?

– Я? Видите ли, я – музыкант. Конечно, странно: музыка и авиация. Но это получилось внезапно. Я как-то случайно был на вокзале.

Они пересекали переулок. Юноша говорил:

– С вокзала отправляли молодежь. Поезда еще не было. Пришлось мне дожидаться. Ребята тоже стояли на перроне, около своих чемоданов. Около них ходили родные: матери, невесты. Тут же стояли военные в форме летчиков. Они руководили отправкой.

Их разъединили встречные прохожие. Потом они опять сошлись.

– Ребята пели авиационный марш. Они были так веселы. Мне казалось, что песнь заполнила весь вокзал. Она отражалась от стеклянной крыши и гремела внизу. А я – музыкант. Вы понимаете?

– Да.

– Но я не предполагал, что песня так может подействовать. Впрочем, это, может быть, потому, что всегда человеку хочется чего-то необыкновенного...

– Да... Главное – это сердце.

– Что? Сердце? Ах, да.

Николаю было невыносимо жалко идущего рядом. Он остановился и сказал:

– Мне – туда.

– Разве? Ну, счастливо!

И они расстались. Николай пошел через площадь к трамваю. Потом он побежал. С улицы заворачивал трамвай. Это был нужный номер. Трамвай можно было догнать на повороте.

До отказа наполненный пассажирами, вагон шел с трудом. На повороте был подъем, и вожатый сыпал под колеса песок, который падал тонкой струйкой прямо под обод колеса. Было слышно шипение, будто лили масло на раскаленную сковороду. Николай обежал трамвай сзади и, преодолевая центробежную силу, запрыгал на одной ноге, вскочил на подножку и повис, держась правой рукой за деревянную ручку.

Трамвай ударило. Как раз со стороны задней площадки. Это был автомобиль. Его занесло на повороте. Шофер нажимал на тормоза. Они журчали, как ручейки, но машина все же нагнала трамвай и ударила. Трамвай остановился. А Николай упал. Он сорвался и упал очень неловко. Всем телом на левую руку. Ему показалось, что в руку воткнули большую вязальную спицу. Кругом кричали.

Николай видел около своей головы чей-то сапог с прилипшим окурком. Он скользнул глазом вверх. Над ним нагибался низкорослый усатый мужчина:

– Ну, вставай, милый. Полежал – и хватит!

Кругом уже смеялись. Николай оперся о правую руку и приподнялся. Слегка повернулся и шевельнул левой рукой. И опять в нее, казалось, воткнули спицу. Он посмотрел и увидел, что рука имеет точно два локтя. Николай заволновался. Он сказал, зло глядя на зрителей:

– Дурачье! У меня же рука сломана.

Кругом опять заорали. Кто-то даже умудрился кричать: «Убили!» А потом Николай успокоился. Сердце его билось ровными, неторопливыми ударами. Он старался не шевелиться, чтобы не разбередить руку.

Вскоре подъехал санитарный автомобиль. Николаю уже успели помочь перебраться на тротуар. Он сидел на тумбочке, положив на колени сломанную левую руку. В правой держал медицинскую карточку.

Из автомобиля выскочила девушка. Она стала широко растворять дверцы машины. Девушка хотела вытащить носилки. Но прибежал врач с сундучком. В машине он сидел рядом с шофером. Он крикнул ей:

– Не стоит.

И они приступили к работе. А шофер тем временем стал поворачивать машину.

Доктор осторожно взял руку Николая и стал ее прощупывать, беспрерывно повторяя:

– Вам больно? Больно? Вам очень больно! Это чувствуется. Но ничего, ничего, потерпите. Вам больно? Больно?

Это очень раздражало, но было и смешно. Доктор был похож на певчего. А потом больную руку держала девушка. Доктор, промыв ссадины дезинфицирующим раствором, выправил сломанную кость и положил на руку вату. Потом вынул из ящика два тонких дубовых лубка. Они были разной величины. Доктор посмотрел на них, прищурился, как будто удивляясь их уродству. И, наконец, наложил лубки на руку. Один сверху, другой снизу. Плотнo обвязал руку и лубки бинтом. А шофер уже повернул машину. Девушка взяла Николая под руку. Врач побежал с сундучком к шоферу. Девушка закрыла дверцы и уложила Николая на койку. Шофер дал сигнал, и машина уехала. И все стали расходиться.

Николай видел, как машина обгоняла трамвай. Мелькали еще не зажженные светофоры. Больше ничего не было видно. Слышал, как ему задали вопрос:

– Вам очень больно?

– Нет! – ответил он девушке и, испугавшись своей резкости, добавил: – Не очень.

– Не обманывайте, я же знаю, что больно.

– Терпеть можно.

– Вам сколько лет?

– До восемнадцати не хватало двух месяцев.

– Тогда вы совсем герой, – она заметила медицинскую карточку: – Что это у вас?

Она взяла ее и пробежала глазами.

– Ну вот, я и угадала. Вы и есть настоящий герой.

Он ничего не сказал. Она продолжала:

– Бедный вы, бедный. Ну, а вдруг вас теперь не примут?

– Этого не может быть.

– Бедняжка, ну как можно ручаться?

– Сестрица, – сказал внезапно Николай и покраснел: откуда выкопалось такое слово, – прошу вас, прочтите это вслух. От начала до конца.

– Карточку?

– Да!

Она стала читать ему медицинскую карточку от начала до конца. А он смотрел на мелькающие светофоры и слушал. А потом стал думать, и вновь слушать, и снова думать.

Все, в конце концов, очень просто. Основное у человека – это здоровье. Это – крепкое сердце и легкие. Ну, и мышцы. Конечно, и нервы. Потом глаза. А самое важное – это сердце. Тогда можно много заниматься спортом, бегать и прыгать. Плавать и летать. Можно сломать один раз руку. И даже во второй. Но не больше. Все заживет. Главное, здоровое сердце.

Девушка кончила читать и очень осторожно сложила карточку.

Санитарный автомобиль гудел и пугал прохожих.

Девушке объясняются в любви

В душе было пять кабин, и мыться можно было сразу пятерым. Но не во всех кабинках вода текла одинаково. Приходилось бежать и заранее выбирать лучший душ. И каждый раз, как только бывал подъем, все мчались в душ. Курсанты бежали от палаток направо. Так было скорее. Они перебежали асфальтированную дорожку перед ангарами. Потом спустились в небольшой овраг и выбегали к душевым.

На этот раз, как, впрочем, всегда, дневальный поднял Тимофея первым. Он был старшиной. Дневальный удалился, взмахнув парусиной, закрывавшей вход в палатку. С влажной от ночной сырости парусины скатились капли росы. Было холодно. Тимофей вскочил и схватил полотенце, потом обежал всех своих товарищей и дернул каждого за ногу. Они вскочили, а он в одних трусах уже бежал от палаток направо, мимо ангаров. Он спустился в овраг. Там стлался и выползал к летнему полю туман, – был конец августа, и ночи стояли холодные.

Тимофей прибежал первым, он положил полотенце на лавку и стянул трусы. Боком пробрался в кабину и, стоя на цыпочках, отдернул кран. Вода полилась. Она была холодная. Тимофей отвернул кран до конца и, прижимаясь к боковой стенке, выбрался из кабины. Несколько брызг попало на тело, и он, фыркнув, запрыгал от их прикосновения. Тут прибежали остальные парни, и стало шумно. Вода полилась всюду. Все разделись догола, но никто не лез под холодные струи. Все только визжали и поругивались.

Тимофей присел перед своей кабиной, встал, опять присел и встал. Это он сделал быстро. Потом замахал руками, как мельница, и, наконец, нагнув голову, кинулся под душ. Он сразу же закричал, широко раскрыв рот, словно прыгая с парашютом. Растопырил пальцы. Вода поливала все тело. Он бил от удовольствия руками по бедрам. Сначала было очень холодно, затем тело разогрелось, и ему показалось, что он стоит под горячей водой. Тогда Тимофей выскочил и стал растираться полотенцем докрасна.

Возвращались они опять оврагом. Тимофей бежал впереди. Он выбрался наверх и остановился. Все пробежали мимо. Было очень хорошо. О, это холодное утро! Но тело в трусах горело, и смуглая кожа покрывалась пупырышками. Тимофей огляделся. Знакомые места! На востоке – черная насыпь железной дороги. Она была очень четкой на фоне неба, озаренного снизу солнцем. Потом он увидел огромное летное поле, ползущий из оврага туман, дымящуюся реку и мост через нее, новый железобетонный мост. Ангары, похожие на больших спящих черепах, а за ними на почтительном расстоянии лес. «Неплохо в такое утро и в лесу», – подумал Тимофей и широко развел руки. Взмахнул полотенцем и догнал товарищей.

Надев теплые фуфайки и комбинезоны, все отправились к ангару. Надо было выводить планер. В воздухе уже гудели самолеты. Они летали по левому кругу. Их было страшно видеть летающими, потому что на аэродроме лохмотьями расплзался туман. Но он был только у земли. У ангаров стояли Женя и Анна, две девушки из их группы. Они стояли, заложив руки в карманы комбинезонов, и чувствовалось, что под синим холстом у них от холода дрожат круглые колени.

– Что же вы, копуши! – сказала Анна, но Тимофей махнул рукой и все стали открывать ангар.

Вынесли на руках планер и поставили его на площадке. Тут подошел инструктор, и Тимофей стал распоряжаться, показывая свое рвение. Он был старшина.

– Женя, встань к крылу! – командовал он. – А вы, Рябов и Николай, обеспечьте стартовое имущество. Остальным осмотреть планер!

Сам он подошел к левой плоскости и открыл в ней окошко. Увидел там похожие на кружева деревянные части крыла. Пахло столярным клеем и грушевой эссенцией. Осмотрев все, он закрыл окошко.

Планер протирали тряпками. Проверяли растяжки и крепления тросов. Проверяли действие рулей. Николай привез тележку, инструктор пошел на поле разбивать старт. Рябов и Николай пошли вслед за ним. Они понесли амортизатор и сигнальные флажки. Женя держала крыло, Тимофей и еще трое курсантов приподняли планер и подкатали под него тележку. Анна побежала к хвосту и взялась за костыль. Планер развернули и покатали на поле.

Инструктора, Рябова и Николая уже не было видно. Они скрылись в тумане. Планер катили быстро. Ребята бежали по траве. Тимофей почувствовал в ногах сырость. А инструктора не было видно.

Раздался резкий свист. Это свистел Николай. Они увидели его. Он стоял немного правее их пути и махал флажком. У него не было ног. Туман скрывал их. Тимофей распорядился изменить направление. Планер развернули и покатали дальше. Тут они увидели очень хорошо и Николая, и Рябова, и инструктора. Рябов ввертывал в землю большой железный штопор, который входил во влажную землю легко, как в пробку.

Всходило солнце. Туман начал отделяться от земли и подниматься кверху. Он был розовым и нежным, как перья фламинго из старой, еще школьной книжки с цветными картинками, запомнившимися на всю жизнь. В воздухе гудели самолеты. Поднимающийся туман закрыл их, но гудение было слышно ясно. Они летали прямо над головами. Все заспешили. Нужно было торопиться, розовая муть исчезла с поля. Планер развернули и поставили против легкого утреннего ветерка. Взлетать всегда нужно против ветра. Таков закон аэродрома.

Тимофей зарядил самопуск планера. Он забежал за хвост и оттянул от ввернутого в землю штопора тросик с кольцом. У планера на конце хвостовой балки, выше костыля, был укреплен вращающийся металлический крест. Тимофей накинул на один из концов его колесо с тросом. Планер продвинули вперед, и тросик натянулся.

Теперь планер был крепко связан со штопором. Отцепиться от тросика можно было только из кабины, нажимая на рычаг самопуска.

Первым летал инструктор. Это делалось всегда для того, чтобы проверить планер. Тимофей взял в руки белый и красный флажки и встал у правой плоскости. Женя держала левую плоскость. Инструктор сел в кабину. Анна закрыла капот и зацепила кольцо резинового амортизатора на носу планера. Потом она побежала к остальным ребятам. Они встали по четыре человека на каждом конце амортизатора. Растянули резиновые концы. Получилось нечто вроде огромной рогатки. Только вместо камня был планер. Сейчас его предстояло выбросить в воздух.

Тимофей спросил:

– Пилот готов?

Инструктор ответил:

– Готов!

– Крыло?

– Готово, – ответила Женя.

– На амортизаторе? – крикнул Тимофей.

– Есть, – отозвались все.

– Натягивай! – скомандовал Тимофей и взмахнул белым флажком.

Курсанты с амортизатором пошли вперед. Растягивали резину и громко считали шаги. Когда они прошли пятьдесят шагов, инструктор нажал самопуск. Металлический крест на хвосте планера повернулся, сейчас же с него соскочило кольцо, и тросик отцепился. Гигантская рогатка пришла в действие. Женя отпустила крыло. Планер взлетел.

Все подняли головы и следили за полетом. Планер поднялся на десять метров. Было видно, как спал с крючка амортизатор, и планер без шума полетел по прямой. Свистел только ветер в тросах. Туман уже рассеялся. И выше планера, намного выше, летали самолеты.

Вторым летал Николай. Это был способный парень.

Он позже всех в группе приступил к занятиям. Лечил руку. Но это не помешало ему догнать остальных курсантов и иметь хорошие отметки.

Николай получил у инструктора задание. Нужно было сделать маленький подлет. До этого делали только пробежки по земле. Теперь же предстояло в первый раз подняться в воздух. Правда, не высоко, но все же в воздух. У всех забилося сердце. Николай спокойно подошел и сел в кабину. А потом натянули амортизатор, и Николай нажал самопуск. Планер взлетел очень плавно и невысоко. Поднялся на пять метров. И пришлось всем поднять головы.

При посадке, как приказывал инструктор, Николай выровнял планер и, видя, что скорость уменьшилась, стал осторожно тянуть ручку на себя. Он хорошо понимал инструктора и, главное, схватывал все быстро. Планер сел очень мягко, приземлился на две точки, как и следовало: на лыгу и костыль. Это была отличная посадка.

Следующим летал Тимофей. Пробежки ему удавались. У него не бывало кренов, и планер не сбивался с заданного направления. Но сейчас предстояло что-то иное. Хотя и маленький, а все же взлет в воздух. Это было уже новым ощущением, тем более, что Тимофей никогда не летал. И он волновался, хотя и не подавал вида.

Тимофей подошел к инструктору, и тот взглянул на него испытующе:

– Задание – третье упражнение!

Тимофей понимающе качнул головой.

– Это значит, – говорил инструктор, – подлет...

Тимофей опять качнул головой.

– Я вам установлю руль высоты. Планер оторвется от земли сам. Потом перейдет на малый угол планирования.

Анна стояла у крыла и слушала.

– Ваша задача – вовремя убирать крены. При посадке немного тяните ручку на себя.

Понимаете, только при посадке!

Тимофей сказал:

– Есть!

Он хотел повернуться и идти, но инструктор добавил:

– Категорически запрещаю во время полета двигать ручкой! От себя или на себя.

Понятно? Идите!

Тимофей подошел к планеру. Инструктор смотрел ему вслед. Он знал, что первый отрыв от земли производит огромное впечатление, и желал курсанту удачи.

Анна помогла Тимофею привязаться к спинке сиденья. Она закрыла капот. Тимофей видел, как Анна застегнула крючки. Он взялся за ручку и нащупал рычаг самопуска. Ноги положил на педали. Пошевелил ручкой: вверх, вниз, вбок. Инструктор установил рули и отошел от планера. Тимофей увидел, как ушли к амортизатору ребята. И сейчас же все внутренности у него точно упали вниз. В груди и животе стало пусто. Это был настоящий страх. Тимофей глотнул слюну и посмотрел на инструктора. Тот поднял руку. Тимофей сказал: «Готов!» Ребята пошли вперед и стали считать шаги. Планер дрогнул.

Тимофей хотел думать о правилах полета, но мысли исчезали из головы. Синело небо, сильно уже грело солнце, в воздухе по-прежнему гудели самолеты. И Тимофею показалось, что полет не состоится. Но инструктор сказал: «Старт!»

Тимофей нажал на самопуск. Сзади, у хвоста, щелкнуло. Планер покатился по земле. Сразу же возник правый крен. Рука машинально направила ручку влево. Крена не стало. Тимофей и не думал о кренах. Планер дрожал на неровностях почвы. Потом перестал дрожать. У Тимофея захватило дух, планер был в воздухе. Отлетели прочь все представления о правилах полета. Тимофей действовал совершенно инстинктивно. Вот его тело почувствовало крен. Он шевельнул ручкой, Вот другой крен, и опять бессознательное движение рукой.

Тимофей увидел землю. Будто он глядел со второго этажа. Николай, Рябов, Женя и все остальные плыли под его планер. У Жени был раскрыт рот и растопырены руки. Рот у Жени был в форме буквы «о», точно она видела что-то страшное. Тимофею бросился в глаза неестественно задранный нос планера. Воздушный поток перестал обдувать его лицо. Кругом было тихо. Планер завис, потеряв скорость. Значит, Тимофей дернул ручку на себя. Ошибка!

Тимофей резко оттолкнул от себя ручку. Планер клюнул носом к земле. Он пикировал. Земля понеслась навстречу. Снова опасность! У самой земли Тимофей дернул ручку уже на себя. Это опять было резко!

Планер взмыл вверх и зацепился костью о землю. Так Тимофей и сел, судорожно держа ручку. Планер прыгал по земле.

Тимофей вышел из планера и подождал ребят. Они подбежали, а он пошел к инструктору. Наделал, конечно, много ошибок! Сейчас ему за это попадет. Но то, что он пережил, ни с чем не может сравниться. Вот оно какое, ощущение полета. Летал! Несколько минут! А для него было мгновение. Это даже нельзя передать словами.

– Ну, рассказывайте, что вы натворили! – встретил его инструктор.

– Ошибки... – начал Тимофей. И больше ничего не мог сказать. Перед инструктором он стоял вытянувшись, но шевелил пальцами и смотрел радостными глазами. Видно было, что он так ничего и не скажет. Инструктор приказал:

– Продумайте свои ошибки, после доложите!

– Есть! – ответил Тимофей.

Но все это было больше для дисциплины. Инструктор понимал, что об ошибках придется говорить после второго полета. Тимофей повернулся и отошел. Поискал глазами Женю, она была на старте. Он направился туда. Ребята везли планер. Инструктор говорил с Николаем. Женя подтягивала амортизатор. Тимофей подошел к ней:

– Женя! Ощущение необычайное!

– Еще бы! Но немножко страшно! – сказала Женя.

– Нет. Но я прямо пьяный от радости.

– Это было заметно уже в воздухе. Ты нас сильно пугал.

– Не остри. Я сейчас способен...

– Что?

– Объясниться в любви.

– Ты сумасшедший!

– Я тебя люблю.

– Нет, ты сумасшедший.

– Нет, люблю.

– Совсем обалдел!

Женя отошла к штопору. Ребята с планером приближались. Инструктор говорил с Николаем. Тимофей пошел за Женей.

– Люблю – и все.

– Но ты же мог сказать это вчера. Мы сидели в парке поздно.

– А я говорю сегодня.

– А меня берет зло! Два месяца молчал, и вдруг сейчас...

– А ты?

– Что я?

– Любишь?

– Отойди: везут планер.

– Нет, ты скажи.

– Ты совсем с ума сошел!

– Товарищ старшина! – крикнул издали инструктор. – Кто летает следующий?

– Курсантка Федорова! – ответил Тимофей.

Тут подвезли планер. Ребята приподняли его.

Анна выкатила из-под лыжи тележку. Тимофей подошел и взялся за костыль. Женя поправила комбинезон и, сердито взглянув на Тимофея, побежала получать задание.

Значительный день

– Тима, ты заметил, Николай чему-то очень рад? Он возбужден и чем-то взволнован.

– Да. Сегодня парень наш не похож на себя. Он ведь всегда спокоен.

Женя и Тимофей стояли в пятнадцати метрах от планера. Был перерыв, и курсанты отдыхали после полетов. Разбившись на группки, они прохаживались около планера.

– Ты видела художника из газеты? – спросил Тимофей.

– Владислава? Да. Но не смотрела еще, что он там нарисовал.

– Знаешь, чувствуется, что наша учеба заканчивается. Появились художники, фотографы. И в заводской газете стали писать.

– Сходим посмотрим, – предложила Женя.

Они пошли к художнику, который сидел на деревянном ящике и зарисовывал в большой альбом планер и курсантов. На снегу около его ног лежала коробка, в которой были карандаши и тушь. Николай стоял за его спиной. Оглянувшись, он увидел Женю и Тимофея. Побежал им навстречу.

– Все уединяетесь? Дела семейные? – сказал Николай, подбежав.

Он засмеялся, а Женя и Тимофей смотрели на Николая и удивлялись его оживлению. Все трое подошли к Владиславу и стали за его спиной. На большом листе плотной шероховатой бумаги Владислав нарисовал мягким черным карандашом планер. Длинные узкие крылья планера делили бумагу по диагонали на две половины. На одной из них около планера была нарисована группа курсантов и торчали воткнутые в землю флажки, а другую, большую часть бумаги занимало небо. Тонкой штриховкой набросаны были плывущие облака, низко, над самым горизонтом летели два самолета.

– Простите, Владислав, – Тимофей прищурился, – у вас на рисунке не чувствуется, что дело идет к вечеру.

– А я еще не закончил, – Владислав даже не обернулся, – вот здесь я нарисую солнце, и тени будут длинными.

– Художникам под руку не говорят, – Женя толкнула Тимофея в бок.

– И вообще – нечего стоять над душой. Ну-ка!.. И Николай, схватив Женю за руку, потянул ее в сторону. Потом он заставил ее обежать вокруг Владислава.

– Определенно влюблен, – сказал тихо Тимофей.

– Пусти, Колька, – крикнула, смеясь, Женя, – вытянешь руку – летать не смогу. Ай, рукавицу уронила!

– Вот вы заканчиваете свои занятия. А дальше что будете делать? – спросил Владислав.

– Я пойду в школу пилотов, буду летчиком, – ответил Тимофей.

– А старая специальность?

– Придется расстаться. Я окончил машиностроительный техникум и работаю на испытательной станции завода. Но меня увлекает авиация.

– Истребителем хочет быть! – крикнула Женя. – Все уши прожужжал!

– А вы тоже меняете свою специальность? – обратился Владислав к Николаю.

– Очевидно, тоже придется. Нашему брату одна дорога – в летную школу. Но я не оставлю и планеризма, займусь парящими полетами уже посерьезней.

– Вот-вот, и я тоже это хочу, – поддержала его Женя. – В отпуск поедem в Коктебель. Летать! Да? Но завода я не брошу. Я не уйду из лаборатории.

– Что же, вы все время так планеристами и будете? – спросил Тимофей.

– А чем же это плохо? – ответил Николай. – Научимся хорошо летать. Изучим аэродинамику, условия полетов с кучевыми облаками и будем себе парить. Может быть, рекордик какой-

нибудь поставим. Не правда ли? – засмеявшись, обратился он к Жене. Она кивнула в знак согласия головой.

– Это верно, – сказал, отрываясь от своей работы, Владислав. – Если серьезно заниматься, то все интересным станет. Я вот, например, увлекаюсь парашютным спортом. Имею уже два прыжка. И еще буду прыгать.

– Все это хорошо, но, по-моему, нам пора заниматься, – сказал Тимофей.

Инструктор у планера махнул им рукой:

– Старшина, стройте группу!

Тимофей выстроил всю группу у планера и отрапортовал инструктору. Тот разрешил начать полеты.

– По местам! – распорядился Тимофей.

Планер поставили против ветра, и инструктор сел в кабину. Перед началом занятия он всегда проверял планер. Рябов встал у левого крыла. Николай снял перчатки и взял в руку флажки. Остальные курсанты, захватив с собой тележку для перевозки планера, побежали к трактору, который стоял на расстоянии двухсот метров впереди планера. Николай махнул одним из флажков трактористу. Трактор тотчас задымил, и ветер донес до планеристов шум работающего мотора. Николай очистил от снега кольцо троса, идущего к трактору, и зацепил за крючок автоматического замка на носу планера. Потом отошел в сторону. Инструктор сказал:

– Давайте старт!

Николай оглядел заснеженное летное поле. Приходилось быть особенно осторожным, так как полеты уже производились не с резиновым амортизатором, а при помощи троса, быстро наматывающегося трактором на барабан. Группа заканчивала вторую ступень школы планеристов.

Не заметив на поле ничего подозрительного, Николай провел несколько раз флажком около своих ног. Трактор задымил сильнее, тракторист выбрал слаbinу у троса, и планер вздрогнул. Тогда Николай быстро поднял флажок кверху и стал размахивать им над головой. Планер качнулся и пополз по снегу, потом заскользил лыжней по неровным и затвердевшим снежным бугоркам. Рябов выпустил из рук крыло, и планер оторвался от земли. Николай следил за полетом. Двадцать, тридцать, сорок метров... Кругом было тихо, и Николай услышал, как в воздухе что-то щелкнуло. Инструктор отцепился от троса. Металлическая нить, сверкнув на солнце, упала в снег. Только-то! – подумал Николай. – «А я поднимусь выше, ниже мне сегодня никак нельзя!» И, предвкушая предстоящий полет, он, бросив на землю флажки, потер руку об руку так, что ладони загорелись.

Планер, сделав круг, вернулся к месту старта и сел. Инструктор сказал: «Все в порядке!» Курсанты Женя и Тимофей, просунув сквозь кольцо троса палку, потащили его к планеру.

– Что мы сегодня вечером делать будем? – спросила Женя.

– После полетов я поеду к Петру Дорохову, – ответил Тимофей.

– Он разве в Москве?

– Да. Он работает инструктором физкультуры на шарикоподшипниковом заводе. Ну, и мне хочется, чтобы ты поехала со мной.

– А что я там буду делать? Он женат?

– Да. Но его жена сейчас в отъезде. Но тебе не будет скучно. Мы все отправимся к Дмитрию.

– Зачем?

– Там занятие найдется. У него есть...

– Остановись-ка. Кольцо сдвинулось!

Они остановились, поправили кольцо на палке и потащили трос дальше.

– У него есть отличный приемник. Слышны чуть ли не все станции мира. Не знаю, как ты, но я люблю слушать эфир. Каждый раз убеждаешься, что ты действительно живешь на планете. – Тима засмеялся. Так пойдешь убеждаться в этом?

– Хорошо, пойду. Но ты посмотри-ка, что делается с Николаем. Он прямо-таки весь светится. Уж не влюбился ли?..

– Мне, как старшине, придется запретить курсантам влюбляться, – Тимофей нарочно сделал строгое лицо.

Тут они подтащили трос к планеру. Следующим лететь должен был Николай. Он сел в кабину. Тимофей закрыл капот и прицепил трос к замку. Потом отошел в сторону. Николай улыбнулся и кивнул всем головой. Инструктор взмахнул флажком. Трос натянулся, и планер, скользя по снегу, бесшумно полетел вверх. Он набирал высоту без рывков и дерганий. Николай твердо держал ручку управления и, скосив глаза влево, следил за красным полотнищем, разложенным на земле. Как только планер будет над полотнищем, – сразу же отцепляться! Таков приказ. Холодный воздушный поток бил в лицо, и у Николая в глазах появились слезы. Скорость была велика, а он летел без очков. «При таких полетах следует уже надевать очки», – подумал он.

Красное полотнище скрылось под крылом. Николай выровнял планер и отцепился. Он взглянул вниз. На снежном поле резко выделялась тележка, а около нее ребята, трактор и тракторист. Фигуры у них были до смешного короткие. «Покажу им класс, – Николай приосанился, – в такой день нельзя позориться». Он пролетел по прямой и стал делать разворот в левую сторону.

Женя и Тимофей с волнением следили за полетом Николая. На их глазах веселое и радостное лицо Николая превратилось в маленькое пятнышко, белеющее в кабине планера. Николай поднялся на шестьдесят метров.

– Молодец, – сказал Тимофей, – смело взлетел.

Николай очень плавно делал разворот. Крылья планера словно ласкали воздух. Узкие серебристые плоскости мягко нажимали на воздушные струи, и планер медленно описывал дугу, потом выровнялся и опять полетел прямо. Затем начал второй разворот, уже в правую сторону. Николай действовал строго по заданию. Второй разворот он сделал также отлично. Не было ни одного лишнего движения. Серебристая птица все время летела с постоянной скоростью. Закончив вираж, Николай выровнял планер и пошел на посадку. Чтобы не улететь слишком далеко, он накренил планер и скользнул на левое крыло. Быстро потерял высоту и сел недалеко от трактора.

– Вот, товарищи, это лучший полет за все время вашей учебы, лучший из всех, – сказал инструктор, – Николаю Воронцину я смело ставлю зачет.

– Я же говорила, что Николай сегодня в приподнятом настроении, – шепнула Женя Тимофею.

– Пойдем узнаем, – предложил тот.

Они помчались к планеру через все летное поле.

Когда они подбежали к Николаю, планер уже стоял на тележке. Анна крикнула Жене и Тимофею.

– Идите помогать!

– Сейчас! – Тимофей жал руку Николаю.

– Николай, – сказала Женя, отдышавшись, – что у тебя за событие такое? Ты сегодня какой-то особенный.

– Да так просто, ребята, такая уж обязанность... ну, как бы это вам сказать, – Николаю явно по сердцу внимание ребят. Он готов был бы подольше поиграть на их любопытстве, но сам не выдерживает и выпаливает: – В комсомол меня сегодня приняли!

– Что же ты молчал! Поздравляем! Вот тоже умник! Сказал бы сразу. Мы бы не волновались так.

– Некоторые тут думали, что ты влюбился в кого-нибудь, – Тимофей покосился на Женю.

– Но ведь влюбленным полеты не удаются, – отпарировала Женя, – а Николай летал отлично.

Она хитро посмотрела на Тимофея. Николай тоже взглянул на него. Все рассмеялись и побежали помогать везти планер к старту.

Фиалки

А Ирина все не приходит. Владислав рисует свои фиалки и развешивает их по стенам. Он рисует с утра, и его комната уже вся в цветах, раскрашенных акварелью. Вот он откладывает кисточку в сторону и оказывается у окна. Задумывается. Конечно, зайди к нему сейчас кто-нибудь из заводских ребят, так засмеют – что это, мол, за карнавал, цветы, украшения? Ответь-ка, что любимую девушку ждешь – еще сильнее смех поднимется. Ну и ухажер, мол! Да стоит ли тратить столько сил – дело-то простое: обнял, приласкал, на прогулке мороженым угостил. Владиславу претит от этой легкости, а порой даже и грубости в любви. Нет, настоящему сильному чувству нужны нежность и, может быть, даже робость. Впрочем... Владислав огорченно вздыхает: робости-то у него больше, чем достаточно!

Уже вечер, и за дома закатывается солнце. С пятого этажа хорошо видна широкая улица. Владислав смотрит, как горит солнце в окнах домов. Серый гранит имеет сиреневый оттенок. Белеет только снег на наружном подоконнике его окна. Это оттого, что на него падает тень дома. На снегу видны крестики воробьиных следов. Городской пейзаж рельефен и объемен. Глаз замечает даже дрожание теплого воздуха над трубами домов. Взгляд Владислава обрывается у горизонта, где торчит ажурная мачта радиостанции. Он любит этот город и радиомачту, а за ней леса и поля, другие города и земли – весь земной шар, сверху донизу. Он любит жизнь, он, в сущности, большой оптимист!

Владислав отходит от окна и бродит по комнате. Со стен глядят белые и лиловые фиалки. В комнате слегка пахнет скипидаром. Это от масляных красок. Владиславу грустно. Кто сказал, что у художников всегда бывает счастливая любовь? Только не у него! Какое там счастье, когда нет уверенности. Он во всем уверен – и в работе, и в своих способностях, и в своей жизнерадостности. А в этом вот нет.

Он некрасив и невысок ростом. Кто обратит на него внимание? А если даже и обратили, то надолго ли? Владислав смотрит в зеркало и видит свои грустные серые глаза. Над ними вопрошающе приподнимаются кустики черных бровей. Придет или не придет?

Может ли быть счастливым случайное знакомство? У него с Ириной оно произошло именно так. Владислав ехал в метро на завод. Поезд подъезжал к разветвлению. Загудела электрическая сирена, и машинист замедлил ход поезда. Владислав с интересом проследил за мелькнувшим круглым отверстием второго тоннеля на разветвлении. Потом опустил глаза вниз и увидел девушку. Она сидела, а он стоял около нее. Ноги их соприкасались, и Владислав немного отодвинулся. Постарался отвести от нее взгляд, но невольно глаза опускались вниз, и он смотрел на лицо девушки. Глядел на ее рот. Над верхней губой у нее темнел пушок. «Брюнетка, – подумал Владислав. – У нее должны быть черные глаза». Девушка читала тетрадку в синей обложке. Очевидно, она учила что-то, потому что, взглянув в тетрадку, тотчас опускала ее на колени, а сама повторяла какие-то слова: губы ее шевелились. Через две остановки справа от девушки освободилось место, но Владислав туда не сел. «Черные глаза», – подумал Владислав, но девушка не поднимала глаз, и он не мог проверить свои предположения. Они проехали еще одну остановку. Поезд выскочил из тоннеля на мост и повис над рекой. В темной воде застыли отражения ярко освещенных набережных. Внизу плыл большой пассажирский пароход. Мигали красные и зеленые бортовые огни. Когда поезд вошел в тоннель на другом берегу реки, девушка опять положила тетрадь на колени и подняла глаза вверх. Губы ее шевелились. Она что-то учила. На Владислава взглянули темно-синие глаза. Потом быстро опустила. Синие! Это лучше! Почему лучше?! Ему-то какое до этого дело! Тут как раз слева от девушки освободилось место, и Владислав теперь быстро занял его.

Он долго не решался взглянуть в сторону незнакомки. Затем все же взглянул. В тетрадке круглым разборчивым почерком была написана какая-то пьеса. Он стал читать, но девушка

посмотрела на него. Владислав быстро отвернулся. В окна мелькали светлые чистые стены тоннеля. Девушка сидела спокойно, она читала. Владислав вновь заглянул в синюю тетрадку. Девушка поймала его взгляд и тихо сказала:

– Не нужно смотреть.

– Простите! Я, право, случайно это сделал, – извинился он.

Некоторое время Владислав внимательно разглядывал сидящего напротив него мужчину, тот спал. Во сне у него отпадала нижняя губа. Он просыпался, подбирал губу, оглядывал всех и опять засыпал: губа отпадала. Владислав еле сдерживался от смеха. С мужчины взгляд его скользнул на соседней и, описав дугу, попал снова в синюю тетрадку.

– Если вас так интересует, – сказала девушка, – это роль. Я учу роль.

– Она, наверное, очень трудная? – спросил Владислав.

– Нет, она маленькая, но интересная.

– Нужно иметь хорошую память, чтобы все это запомнить?

– Нет, это легко. Труднее ее понять.

– Да?

– Например, вот: Ксения говорит...

– Вас зовут Ксения?

– Нет, Ирина. Это по роли я Ксения.

– А!

– Так вот, она должна сказать: «Зачем вы нарвали фиалок? Я не возьму их!»

– Так.

– И вот я пока не знаю еще, как мне их, эти слова, произносить: быстро или с паузой.

– По-моему, быстро.

– Вы думаете?

– Да. Так лучше.

– Попробую на репетиции.

– А в каком это театре?

– Это в кружке при Дорогомиловском заводе.

– Да это мой завод!

– Интересно. Я тоже там работаю, в инструментальном цехе.

Они весело посмотрели друг на друга. Поезд остановился. Это была конечная остановка.

Владислав и Ирина вышли из метро на улицу.

– А вы зачем так поздно на завод? – спросила она.

– Мне нужно в редакцию. Я там работаю, – ответил Владислав.

– А!

Они шли по многолюдной улице. Прохожие почти все время разъединяли их. Владислав тревожился, что его спутница исчезнет в этом потоке людей. Он даже хотел взять ее за рукав, но стеснялся. Наконец вышли на более свободное место и пошли быстрее. Владислав увидел женщину в зеленой косынке, из-под которой выбивались волосы. Она стояла на краю тротуара и держала в руках маленькую корзиночку с фиалками. Продавщица цветов сказала Владиславу:

– Не купите ли фиалочек?

– Одну минуточку, – сказал Владислав, дотрагиваясь до локтя Ирины.

Он полез за деньгами и вспомнил, что у него в кармане только рубль – на вечерний чай. Но он отдал его женщине и взял из корзинки пучок цветов. Они пошли дальше, и Владислав протянул фиалки Ирине.

– Прошу вас, – сказал он.

– Зачем вы купили фиалки? Я не возьму их! – ответила она. И похоже было, что это уже не разучивание роли.

– Вот теперь я вижу – это надо говорить с паузой, – пошутил Владислав.

– Видите, как это обманчиво. То быстро, то с паузой. Я теперь уж совсем не знаю, как мне произносить эти слова на сцене.

– С паузой лучше!

– Почему?

– Потому что во время паузы я сумел вложить вам в руку букетик.

– Хитрец! Но я все равно возьму половину букетика.

– Хорошо.

– Спасибо и до свидания. Я уже пришла.

Она махнула ему рукой и быстро вбежала в заводской клуб, а он смотрел ей вслед и нюхал фиалки.

Брови его удивленно приподнимались. Не спросила даже имени и фамилии! Вот так всегда девушки проходили мимо него, не узнав даже имени. Такова судьба! Но Владислав через три дня вечером отправился в клуб.

– Это вы! – сказала Ирина, увидев его. – Что же так поздно? Мы уже кончили.

Владислав улыбнулся и хотел сказать, что он специально и пришел поздно, чтобы проводить ее домой. Но ничего не сказал, и улыбка вышла кислой.

Высокий черноглазый парень с шелковым галстуком, раскрашенным анилиновыми красками, обратился к Ирине:

– Рина, пойдите скорей! Мы запоздаем на трамвай.

«Какая безвкусица, – подумал Владислав, – галстук раскрашен полосами всех цветов». После этого случая он написал Ирине письмо. Носил его в кармане весь день и вечером пошел в клуб. Вечер был ветреный, и в клубе господствовали сквозняки. Ирину нашел в комнате духового оркестра. Там стоял шкаф для хранения театрального имущества. Ирина прятала парики в этот шкаф.

– Вот вам письмо, – сказал Владислав.

– От кого? – спросила она.

– А вот вы прочтете!

– Ладно.

Ирина протянула руку за письмом и уронила на пол рыжий парик. Тогда она положила письмо на подоконник и нагнулась за париком, но в это время распахнули дверь. Порыв ветра сбросил письмо в открытое окно. Владислав бросился за ним, но ветер уже унес письмо неизвестно куда.

– Вот видите, если бы вы были бы любезны, вы нагнулись бы и подняли бы парик, письмо бы и не улетело, – сказала Ирина, краснея и путаясь в словах.

– Я в этом виноват... один я, – Владислав готов был за все нести ответ.

– А что было в письме? – Ирина уже меняла гнев на милость.

– В письме? – Владислав теперь не сказал бы этого, если бы даже ему угрожала смерть. – А там я излагал свои некоторые взгляды... взгляды на театр.

– Вот как? Это очень интересно. Может быть вы расскажете на словах?

– Охотно.

Этот вечер они провели вместе. Владислав долго и пространно говорил о театре. Ирина слушала его. Потом они расстались. Владислав же готов был говорить с Ириной всю ночь до рассвета и еще день, и вторую ночь.

Они и другие вечера потом проводили вместе. Как-то раз осенью поехали за город собирать красные листья. Собрали листья в маленькие мешочки, вечером пришли на станцию. Поезд только что ушел, и на станции совсем не было народа. Владислав и Ирина сели на скамейку под деревом. Было тихо. Вдалеке светился электрический фонарь. Свет путался в ветвях и листьях дерева. Скамейка стояла в глубокой тени.

– Ночи теперь совсем стали темные, – сказал Владислав.

- Да, – вздохнула Ирина.
- Ты жалеешь?
- А мне-то что?
- Что же ты вздыхаешь?
- О другом.
- О чем же? – Владислав коснулся щекой головы Ирины.
- Мало собрали листьев.
- Вот тебе и раз! Пойдем тогда еще наберем?
- Нет. Ночи теперь стали темные.

Владислав засмеялся и поцеловал Ирину в волосы около уха. Она отдернула голову.

- Это нельзя, – сказала она.
- Почему? – спросил он.
- Ночи теперь темные; и я не вижу, с каким ты сердцем это делаешь.
- Вот привязалась к слову! Хочешь при свете поцелую?
- Нас оштрафуют, и мы не попадем на поезд.

Но он поцеловал ее опять в волосы, и в щеку, и в губы. Потом пришел электропоезд.

- А ты не взял билета! – ахнула Ирина.
- Верно. Забыл, – спохватился Владислав.
- Это ты нарочно.
- Да нет же!
- Удивительно, как быстро люди теряют голову.

Они остались дожидаться следующего поезда. Потом приехали в город. Через несколько дней красные листья засохли. А Владислава начали мучить сомнения. Проходила зима. Владислав и Ирина виделись часто. Но все еще ему казалось, что их знакомство так же легко разруσιμο, как и отношения многих ребят и девушек, которых ему приходилось наблюдать в заводском клубе.

И вот снова весна. Опять на улицах все покупали фиалки. Владислав пригласил Ирину к себе.

Она бывала уже у него и всегда рылась в его объемистых папках, рассматривала рисунки, перебирала их и пыталась раскладывать по какому-то своему порядку. Но потом уставала, потому что акварелей было очень много, и оставляла все по-старому. Однажды Владислав отметил годовщину их встречи. Он купил несколько букетиков фиалок и набросал их в синюю фарфоровую чашу с водой. Цветы плавали в воде, и от них шел запах. Несколько фиалок утонуло. В комнате было открыто окно, и шум вечерней столицы долетал до пятого этажа. Они сидели на диване. На улице кто-то закричал. Владислав встал, подошел к окну и высунулся наружу.

- Ты упадешь! – сказала Ирина. – Иди сюда.
- Сейчас, – ответил он.

Потом подошел и сказал:

- В городе иногда возникают нелепые и суматошные крики.
- Они везде бывают. Садись!

Владислав сел. Они поцеловались. Ирина сказала:

- У тебя в комнате очень резкий свет.
- Я занавешу лампочку, – сказал Владислав и взял красную тряпку.
- Красным не надо.
- Тогда синим?
- И синим тоже.

Он потушил свет. Был ясно виден светлый прямоугольник окна. В нем мигало прозрачное ночное небо, освещенное огнями столицы. С дивана упал туфель Ирины. Они оба молчали.

Через некоторое время за стеной пробили часы. Владислав сказал:

– Может быть, закрыть окно? Стало свежо?

– Нет, я хочу слушать шум улицы.

– Ну, я тебя прикрою пледом.

– Как пахнут фиалки!

– Да, но они, наверное, уже все утонули.

– А много ли времени?

– Уже поздно.

– Ты проводи меня тогда.

– Может, останешься?

– Нет, будет ругаться тетка.

– Ну, хорошо!

Владислав проводил ее и возвращался по городу один. Все спали, а он шел счастливый и гордый.

Через некоторое время Ирина уехала отдыхать. А потом и он уехал. Трудно было даже переписываться. И его мучила неуверенность. Так чередовались приливы и отливы счастья. Наступила зима: они могли встречаться в клубе, Ирина несколько раз бывала у Владислава в гостях. А затем цеху, где Ирина работала обмотчицей, дали срочное задание. У Владислава тоже прибавилось дела. Они не виделись. Владиславу счастье тогда казалось мифической жар-птицей, которая бывает только в сказках.

Вот и в этот вечер. Придет или не придет? Владислав кладет на место зеркало. Что толку смотреть и видеть длинный нос, серые глаза и кустики бровей? Он некрасив! А таким счастье выпадает редко. Владислав раздражается и злится. Ведь позорно ходить по улицам грустным! Идет опять к окну, но раздастся звонок. Он бежит отворять дверь. Входит Ирина, она запыхалась и раскраснелась.

– А я думал, ты не придешь, – говорит Владислав.

– Ты все думаешь! – Ирина смеется и заглядывает из-за его плеча на разрисованные цветы.

– Как красиво! И ты это специально для меня рисовал!

– Да.

– Как летом? Помнишь – летом? Как это ты догадался? Милый!

– А я уже хотел рисовать репейник.

– Ты сумасшедший. Я же сказала, что приду...

– Какие у тебя холодные локти! Тебе сильно надуло в рукава.

– Чепуха!

– Слушай: оставайся у меня! Совсем!

– Я об этом много думала. Это, пожалуй, самое верное. Когда любишь, надо, пожалуй, всегда жить вместе. Да? Как ты думаешь?

– Да.

Они садятся на диван. И через несколько минут Владиславу становится ясным. Нет больше сомнений. Они будут жить вместе! Теперь он уверен во всем, спокоен и счастлив.

Спальный мешок

Вечером в ресторане было шумно: играла музыка, звенела посуда и слышались возбужденные от вина голоса.

– А вы знаете, мне противно слушать!

Сказав это, сидевший напротив Дмитрия загорелый мужчина с голубыми глазами оглядел всю компанию. Он поглядел каждому в глаза, всем пятерым, сидящим за двумя составленными вместе столиками, в том числе и Дмитрию, который только что просил своего друга Андрея передать ему бутылку вина.

Есть что-то отличающее спортсменов от людей, не занимающихся физкультурой: выгоревшие волосы, особый цвет лица, и ширина плеч и загар на кистях рук, особенно выделяющийся, когда из-под рукавов пиджака выглядывают белые манжеты свежей сорочки. Все шестеро, сидящие за составленными столиками, были спортсмены. Это было заметно по их вольным и мужественным жестам. Дмитрий был чемпион по плаванию, Андрей – также пловец, трое были легкоатлеты, а визави Дмитрия был альпинист. Они собрались в ресторане после состязаний, на которых Дмитрий повторил свой всесоюзный рекорд. Друзья чествовали его, а потом разоткровенничались. Они говорили о женщинах, потому что где это видано, чтобы компания здоровых мужчин за бутылкой вина не заговорила о них? Произнесли десятки женских имен, рассказали десятки случаев, и каждый старался выцарапать из памяти что-нибудь особенное, чтобы доказать свою доблесть.

– Противно! – повторил альпинист.

– Я налью тебе, Петр, еще? – заботливо спросил его Андрей.

– Ладно! Но все равно противно.

– Что же, голуба?

– Да ваша трепня.

– Забавно!

– Пожалуй. Но сознайтесь, все истории сводятся к одному?

– Ясно.

– Не упускать удобных случаев?

– Сказано грубо, но есть доля правды, – вставил один из легкоатлетов.

– А мне хочется поговорить о целомудренности и честности, – продолжал Петр.

– Дима, может быть, ты скажешь что-либо об этом? Ты моложе, – спросил Дмитрий Андрей.

– Налей ему. Он сам расскажет! – ответил Дмитрий.

– Да, я сам, – согласился Петр.

Он закурил папиросу. Глаза его смотрели на тлеющую спичку.

– У меня есть друг, – начал он, выпуская дым из ноздрей. – Он-то меня и приучил лазить по горам. Он закоренелый бродяга!

Но Андрей остановил его рукой:

– Прежде выпьем?

– Можно.

Все выпили. В ресторане танцевали. Пары продвигались между столиками быстрыми мелкими шажками, а выходя на более свободные места, например к фонтану или к буфетной стойке, танцующие делали крутые повороты, и у мужчин правые ноги описывали широкие круги. Музыка играла все веселей и быстрее. У женщин заблестели глаза, а их партнеры стали ритмично притопывать каблуками.

Дмитрий любил танцевать, но в этот раз он сидел спокойно и только постукивал под столом ногой в такт музыки. Он хотел слушать рассказ Петра.

– Мой друг, – говорил тот, очень любит Сибирь. Он достаточно поколесил там. Два года назад он работал на одном из заводов Владивостока. В середине лета этот закоренелый бродяга ушел с завода и уехал на станцию Шмаковка, чтобы побродить месяцок по берегам рек в лесах Уссурийского края. Там хорошо путешествовать! Мне тоже приходилось бывать в этих краях, и я каждому из вас желал бы совершить такую прогулку. Друг, побывав в долине Питугэ, решил возвратиться обратно, потому что была уже глубокая осень, дожди кончились, пришли морозы. Особенно холодно было по ночам, к утру все покрывалось инеем. Но это не было уже так плохо. В холодную погоду, знаете, лучше себя чувствуешь. Друг был очень доволен. Морозные ночи ему были не страшны, от них он спасался в добротном спальном мешке.

В ресторане перестали танцевать, оркестр отдыхал, и дирижер незаметно вытирал платком пот с лица. Один из легкоатлетов сказал с улыбкой:

– Ну, а целомудренность?

– Не мешай, Сергей! Так он и шел вниз по реке Ситухе, приводящей к реке Даубихе, которая впадает в Уссури недалеко от маньчжурской границы. Может быть, вам неинтересно это слушать? Продолжать? Да? Ну, хорошо! Идти по берегам рек Уссурийского края – нелегкое дело. Лес вплотную подступает к воде, и другу приходилось продираться сквозь кустарник и ветви деревьев, спускаться в овраги и балки. В некоторых местах бурелом был настолько велик, что нужно было переходить на другой берег и там искать путь. Друг потерял даже счет своим переходам через реку, шел себе и шел, и для него стало просто забавным каждый раз находить все новые и новые способы переправы через реку. В одном месте можно было идти вброд, в другом – переправляться, цепляясь за ветки деревьев, упавших от бури, а в третьем необходимо было уже строить плот или выдумывать что-либо другое. Да, чтобы идти там, надо быть настоящим человеком! В одном месте он перебрался через реку при помощи веревки, которую петлей, как хороший циркач, перекинул и зацепил за сук тополя на противоположном берегу. И потом добрался по веревке на руках. Вступил на землю и уже стал дергать за веревку, чтобы сбросить ее с сучьев, но в это время его окликнули. Он увидел девушку, вышедшую из кустов только что покинутого им берега.

– Мне тоже нужно на тот берег! – сказала она.

– Сейчас мы это устроим, – ответил друг.

Вы думаете – он удивился? Нет! Путешественникам удивляться нельзя: удивление, дорогие мои, как и испуг, приводит к катастрофе. Ему только стало ясно, что девушка не переберется по веревке. Тогда из мешка он вынул маленький топорик, знаете, как он называется? Томагавк. Выбрал подходящее дерево и стал его рубить. Провозился бедняга целый час, а девушка все это время спокойно дожидалась. Он искоса поглядывал на нее: издали были видны, и это особенно бросалось в глаза, ее широкие развернутые плечи и высокая грудь. На ней были лыжные штаны и курточка из синей байки, шея повязана цветным шерстяным шарфом, а на высоко приподнятой голове была надета лыжная шапочка. Девушка держала в руках суковатую палку и маленький узелок. В конце концов друг срубил дерево, оно завалилось. Крона упала на том берегу, а основание осталось у ног друга. Он перешел по дереву к девушке и помог ей перебраться на противоположную сторону. Разглядывая ее на близком расстоянии, мой приятель заметил у нее на щеке, с правой стороны, шрам, который начинался у уголка рта и шел, вниз, к подбородку. Но это нисколько ее не безобразило. Лицо было оригинальное, милое. Потом он освободил свою веревку, и между ним и незнакомкой произошел разговор в таком духе:

– Спасибо! – сказала ему девушка.

– Чепуха! Как вы сюда попали? – сказал друг.

– Я отбилась от своей туристской группы.

– А группа откуда?

– Все мы их Хабаровска. Я работаю там техником на электроподстанции хлебозавода.

– Как же вас решились оставить одну?
– А мы разругались. Я наговорила им дерзостей.
– Не понимаю.
– Ну да! Я им говорила, что надо идти по берегу реки, а они для сокращения пути углублялись в лес. Мы и поругались.
– Идти по берегу было, конечно, вернее.
– Вот я поэтому и ушла. С ними в группе осталась еще одна женщина.
– Да, но если бы не я, вы остались бы на том берегу, – хотел задеть друг ее самолюбие.
– Ничего подобного! Я уже один раз сама переправлялась через эту лужу! – невозмутимо ответила она.

На этом разговор их окончился. Может быть, я передал его не совсем точно, но это уже не так важно. Друг и девушка пошли вместе. Шли и болтали между собой. А к вечеру дорогу им преградила новая баррикада бурелома. Они стали искать брода и перешли реку, идя по пояс в воде. Пройдя с полкилометра уже по другому берегу, нашли старую, полуразрушенную фанзу. Здесь для моего путешественника начиналась совсем знакомая дорога. Полтора месяца назад он ночевал в этой фанзе, когда только начинал путешествие. Он все нашел в фанзе по-старому. Не знаю, знакомо ли вам это теплое чувство, когда вы возвращаетесь на старые, знакомые места? Приближалась ночь, и другу было над чем призадуматься. У девушки не было спального мешка. Они разожгли костер и сели около него, чтобы посушить свою одежду, потом немного закусили. Мой галантный хозяин понимал, что у костра сидеть долго нельзя, нужно скорее ложиться спать, потому что встать необходимо было как можно раньше. Ведь за день ходьбы нужно было обязательно добраться до селения. Так выходило по его расчетам. Но он и не представлял себе, как разделить его спальный мешок. Становилось все холоднее и холоднее, и они вошли в фанзу, оставив на улице догорать костер. Их одежда не высохла, и ее нужно было снять. Вам всем ясно, что это было сложно при создавшихся обстоятельствах. Друг задал своей спутнице нелепый, но все же наводящий на серьезную тему вопрос:

– А где ваш спальный мешок?
– Я забыла вам сказать: спальный мешок и все мои пожитки утонули, когда я переходила через реку одна, – она улыбнулась, как ни в чем не бывало.
– Да-а! – только и мог ответить на это мой приятель.
Потом он предложил ей свой спальный мешок, но вы знаете, что она сказала ему на это?
– Я не хочу, чтобы вы по моей воле превратились в замерзшую кочерыжку.
Вот что она ответила ему. Он просто не знал, что же делать дальше. Оба молчали. На улице потрескивал догоравший костер. Было так темно, что друг не видел лица девушки. Слышал только, как у нее от холода постукивали зубы. Она замерзла, но не выдавала себя. Наконец парень принял решение.

– Знаете что? – сказал он. – Раздевайтесь тогда догола. И побыстрей!
Она молчала, понимаете, не произносила ни слова. А друг бушевал.
– Да, да! Раздевайтесь догола! Оставьте на себе только трусы. И не пытайтесь мне дерзить, я вам не туристская группа! – кричал он.
Это было дико, но иначе мой друг поступить не мог. Он сам стал быстро раздеваться и в одних трусах залез в спальный мешок.

– Идите скорей сюда! – командовал он.
Она подошла к нему, молча разделась и втиснулась в спальный мешок, и он крикнул ей прямо в лицо – Обнимите меня!

Она обняла его, а он приспособил под голову вещевую сумку, а между своим лицом и лицом девушки положил полотенце, чтобы не дышать друг другу в лицо. Клапан мешка не закрыл, а только стянул покрепче его горловину. Ну, а здесь, вы сами понимаете, начались мучения. Девушка обняла его очень крепко. Его согревала теплота ее тела с гладкой, словно

атласной, кожей. Девушка ему нравилась. Становилось просто невыносимо, но они оба молчали. И тут вам, сорванцы, всем нужно поучиться у моего друга! Он стал все время думать, как при бессоннице, одну мысль: «Мне надо заснуть, мне надо заснуть!» Сбивался, и у него выходило: «Нам надо заснуть, нам надо заснуть!» Потом мысли перескочили на более отвлеченные темы, мысли металась как бесноватые. И о завтрашнем дне, и о дальнейшем пути, о чем только не передумал. Потом мысли стали ворочаться все медленнее, и он таки уснул. У вас, я вижу, покраснелись щеки, голубчики? Да? Ну, так вот: они проснулись рано утром, и все было спокойно, и друг был на высоте своего положения, но не вашего, конечно. По-вашему-то, он глупец! Это я знаю! Они проснулись, оделись, не глядя друг на друга, сначала она, а потом он, и пошли дальше. Шли почти весь день и совсем не разговаривали, как будто между ними что произошло. Но даю вам слово, они были чисты перед миром. К вечеру дошли до селения и ночевали в русской хате, у гостеприимных хозяев, а с утра на пароходе поехали дальше. Ну, а о том, как они добрались до дому, уже не так интересно рассказывать. Так-то вот, мои мальчики!

– Бабахнем по этому случаю по рюмочке! – предложил Андрей. Все согласились. В зале опять танцевали танго. Было шумно и душно.

У входа в зал показались две женщины: они искали кого-то в зале. Петр увидел их и вскочил с места. Он направился к ним, лавируя среди танцующих пар. Взял женщин под руки и подвел к друзьям.

– Знакомьтесь, – сказал он, – моя жена и ее подруга.

– Ольга Дорохова! – певуче сказала одна из них.

– Здравствуйте! – говорили все по очереди и вставали.

Дмитрий, пожимая руку жене Петра, поглядел ей в лицо и увидел на ее щеке, с правой стороны, шрам, который начинался у уголка рта и шел вниз, к подбородку.

У самой вершины

Два дня в районе Ужбинских гор бушевала непогода. Был сильный ветер, снегопад. Резко упала температура. На третий день наступило прояснение. Туман спал, и стали видны величественные вершины Шхельды, пика Шуровского, Северной Ужбы, Читинтау. Но Петр Дорохов и Тимофей терпеливо просидели в палатке в пятидесяти метрах от Ужбинского ледника в этот день. В горах нельзя действовать опрометчиво и лезть на рожон. Погоде надо дать устояться. Лишь после этого можно предпринимать что-либо серьезное. Петр и Тимофей играли в домино и сосали шоколад. Только утром следующего дня Петр, вылезая из палатки, сказал громко:

– Ну, Тима, нам везет. Не зря сидели!

– Что ж, я готов, – Тимофей тоже выбрался наружу.

Палатка была разбита под пиком Вуллея на площадке выступающей скалы, в развилке двух ручьев. Они бежали в шести метрах от палатки. Ключевая вода звенела в своих руслах. Под площадкой начинался ледник. Бирюзового цвета лед вытягивался языком книзу. Его бороздили трещины. Многие из них были закрыты снегом.

– Морены еще заметны! Видишь? – сказал Петр.

И Тимофей увидел далеко на леднике гряду камней, похожую на разорванную нитку ожерелья. Они подошли к краю площадки. Перед ними вдалеке высилась грандиозная стена горы Шхельды. Мрачная скальная стена с крутыми каменистыми желобами, в которых застыл лед. Утро было холодное, и с Шхельды сыпались камни. Вода, превращаясь в лед, разрушала самые крепкие каменные глыбы, и они валялись вниз. Камни падали непрерывно, и поэтому вокруг стоял оглушительный грохот. Камни, достигая ледника, поднимали кверху фонтаны ледяных брызг. Можно было подумать, что там рвутся бомбы.

– Как на войне, – сказал Петр.

– А ты участвовал в ней? – Тимофей засмеялся.

– Пока не приходилось, но по всем видам – скоро буду.

– Это верно. Чувствуется, что война не за горами. Возьми хотя бы газеты, то и дело читаешь: там аэродром построили, здесь дорогу проложили. И все около наших границ.

– Да, так и рвутся к нам сюда. Но они здесь получают...

– Пойдем, что ли? Наша та вершина? – Тимофей задрал голову.

– Да.

Они оба стали смотреть на возвышающийся слева пик Шуровского. Пик был правильной, почти пирамидальной формы. На вершине его виднелись снежные блески. Это были участки снега.

– Какова его высота? – спросил Тимофей.

– Четыре тысячи сто восемьдесят три метра над уровнем моря.

Они подошли к палатке и начали собираться. Натянули поверх своих теплых шерстяных свитеров еще штормовые куртки. Петр надел фетровую шляпу с которой была снята лента, и перекинул через плечо на ремешке фотоаппарат «лейку». Тимофей натянул на голову летный шлем. Рюкзаки были уже приготовлены. В них находился трехдневный запас продуктов, куски брезента, спальный мешок. Они зашнуровали свои массивные горные ботинки. Надели рюкзаки, натянули теплые рукавицы, взяли ледорубы и вышли из палатки.

– Смотри! Тур! – Петр схватил Тимофея за руку.

Тимофей повернул голову и увидел в трехстах метрах в скалах рогатую башку горного козла.

Петр сбросил рукавицы и сфотографировал тура.

– Мелко будет, – сказал Тимофей.

– Ничего, что-нибудь выйдет. Зато редкость! – ответил Петр.

Потом они спустились вниз, к леднику, и пошли по ледяному склону вверх. Шли молча и быстро, потому что путь пока что был нетрудный. В конце первого часа пути Тимофей сказал:

– Петя, что-то очень легко идти.

– Не мудрено! Это ведь начало.

– Будет труднее?

– В несколько раз!

– Плевать! Все равно влезем. Во что бы то ни стало! На четвереньках, а влезем. Да?

– Ну, не на четвереньках. Но на вершину взберемся!

– Это хорошо, что ты уверен. А то обидно. Три четверти своего отпуска провел в лагере альпинистов в Адыл-Су Мечтал забраться с тобой куда-нибудь на гору. А тут погода, черт ее поberi! В моем распоряжении теперь осталось только пять дней.

– Не тоскуй. Будешь на вершине.

– Петя, когда я буду на вершине, я оставлю там записку. Она у меня в мешке.

– Слушай, Тима. Как начальник восхождения, приказываю пока помолчать: утомишься.

– Есть помолчать!

Подъем стал круче, появились большие трещины, занесенные снегом. Петр остановился, достал тридцатиметровую веревку и велел Тимофею поднять руки кверху. Веревку обвязал вокруг его груди. Потом он отошел от Тимофея на десять больших шагов и обвязался сам. Конец веревки спрятал в рюкзак. Затем Петр сфотографировал несколько раз общий вид на ледник и гору Шхельда. Заснял также и Тимофея, обвязанного веревкой, стоящего с ледорубом в руке. Они пошли дальше. Продвигаться вперед стали уже медленнее. Впереди, осторожно прощупывая путь ледорубом, шел Петр. Тимофей шел за ним и тоже был начеку. Путь становился все труднее. Переходили через трещины по снеговому мосткам. В некоторых местах через трещины приходилось перебираться по тонким ледяным перемычкам. Они садились тогда на перемычку верхом и медленно передвигались по ней, свесив ноги. Тимофей поглядывал вниз, и ему казалось, что у него кружится голова. Он отводил глаза от трещины и смотрел прямо перед собой. Альпинизм – серьезный спорт. Пожалуй, серьезнее полетов на планере. Там у Тимофея ни разу не кружилась голова.

Много времени отнимали у Петра и Тимофея обходы ледяных стенок и серасков – ледяных столбов. По бокам пути, по которому друзья шли, были видны следы лавин, упавших со склонов. Одну такую лавину они увидели. Она сорвалась со склона и с шумом полетела вниз. Но Тимофею и Петру не угрожала опасность, – лавина была далеко. Она прогрохотала и исчезла. А они стали переходить через трещину. Петр пошел через снежный мост. Он выбирал дорогу и шел по кривой линии. А Тимофей, желая сократить путь, шагнул прямо. Вступил на снежный мост левой ногой, а потом правой. Когда Тимофей перенес всю тяжесть тела на правую ногу, она провалилась вниз. Под ней не было опоры, и Тимофей вместе с кучей снега упал в трещину. Он пролетел не больше двух метров. Петр уперся ногой в снег и при помощи ледоруба удержал его. Тимофей беспомощно болтался в трещине. Сверху, все еще шурша, сыпался снег. Было неприятно и обидно, – снег набился за шиворот. Он таял, и холодные струйки воды ползли по спине. Неосторожность! Петр воткнул поглубже в снег ледоруб, обвязал вокруг него веревку и кинул ее свободный конец Тимофею. Тот сделал на конце ее петлю, просунул в нее правую ногу и стал подниматься при помощи Петра наверх. Когда он вылез, Петр сказал:

– Мало тебя учили в Адыл-Су!

– Пощади, сдаюсь, – Тимофей шутливо поднял руки.

Затем с опаской заглянул в трещину. Стенки ее шли вниз, все время сужаясь. На глубине двадцати метров торчал ледяной нож.

– Н-да! – Тимофей покачал головой. – Ну, ничего! Наука! Зато еще сильнее захотелось на вершину!

– Пошли, пошли, – Петр посмотрел на часы.

Они прошли немного вперед и опять остановились. Выходило солнце. Снежные вершины загорелись ярким желтовато-золотистым огнем. Потом желтоватый свет пополз с вершин вниз. Он в то же время стал менять свой цвет. Становился бледнее. А небо, наоборот, разгоралось. Петр и Тимофей надели очки с дымчатым стеклом, смазали лица и руки глетчерной мазью, – предохранение от сильных ожогов горного солнца. Петр обернулся и вскрикнул от восхищения. Тимофей тоже обернулся и увидел Эльбрус. С этого места хорошо были видны его вершины. Тимофей смотрел на величественные склоны Эльбруса, на две гордые, ослепительно белые вершины и седловину между ними. Петр непрерывно фотографировал.

– Старик ни перед кем не снимает шапки, – пробормотал он.

– Что? Что ты хочешь этим сказать? – переспросил Тимофей.

– А вон видишь облака? Они почти не исчезают с вершин Эльбруса.

– Тогда ты здорово сказал!

– Тима, подойди и достань из моей сумки бисквиты. Надо перекусить.

– Стоит ли?

– Не храбрись! Мы в дороге уже больше семи часов.

Съели несколько бисквитов и пошли дальше. Тяжелые горные ботинки, подбитые гвоздями, стали скользить по льду. Начинился крутой ледяной склон. Они надели на ноги кошки, похожие на маленькие бороны, и полезли вверх. Поднимались очень медленно, все время охраняя друг друга при помощи веревки. Часто приходилось вырубать во льду ступеньки. Тимофей боялся еще раз свалиться в трещину и поэтому шел напряженно. От этого он уставал, но подбадривал себя мысленно. Ему так хотелось попасть на вершину. А Петр, как более опытный, передвигался легко. В подходящие моменты он расслаблял свое тело и отдыхал. После часа работы они одолели все же крутой склон и вышли на снежное плато. Ускорив шаг, добрались до его середины. Оба стремились к пику Шуровского. Перед ними открылся вид на все вершины Ужбинской группы гор. Друзья стояли в середине так называемого цирка, вокруг которого располагались горы. В провалах между вершинами виднелись далекие горы Кавказского хребта, долины Сванетии и Балкарии. Над головами висело солнечное голубое небо. Тимофей вздохнул полной грудью.

– Наша страна! – сказал он. – Чего только в ней нет!

– Да! – с чувством отозвался Петр. Он щелкнул своей «лейкой». Потом сказал Тимофею: – А мы здесь не одни.

– А что? Где? – Тимофей завертел головой во все стороны.

– Да не туда. Вот видишь на склоне Ужбы две точки?

– Да.

– Это альпинисты.

– Ну что же? Они нас здесь уже не застанут. Вон наша вершина. До нее теперь рукой можно дотянуться.

– Это верно, но мы все же отдохнем.

– Не надо. Отдохнем на вершине. Я так рвусь на нее. Хочу добраться во что бы то ни стало!

– Мы и доберемся. Я сам стремлюсь не меньше тебя. Но отдых необходим.

Тимофей смирился, и они сняли с плеч рюкзаки, вынули из них еду и куски брезента. Петр воткнул в снег ледорубы и навесил на них большой кусок брезента. Другой кусок бросил около ледорубов.

– Иди сюда, – сказал он Тимофею, – спрячься от солнца.

А сам взял третий, маленький кусок брезента и свернул его в виде большой чаши. Набрал туда снега и подставил под солнце.

– Вот нам и чай! – сказал Петр, когда снег растаял.

Он налил в жестяной стакан талой воды и дал его Тимофею. Тот стал пить холодную воду. Она пахла керосином. Брезент лежал в палатке около примуса.

– Пахнет? – Петр рассмеялся.

– Да, но она вкуснее любого сидра, – ответил серьезно Тимофей.

– Да что ты?

– Вообще должен тебе сказать – это замечательное путешествие.

– Я очень рад, что тебе нравится.

– Альпинизм – красивый спорт!

– Хочешь консервов? – спросил Петр.

– Нет, я ем сушеные фрукты. И особенно приятно в горах еще потому, что здесь здорово чувствуешь дружбу.

– Да, это верно. Ее чувствуешь почти физически.

– Вот, вот. При помощи этой веревки, связки.

– Надо изменить старое сравнение о дружбе. Слышал, наверное: дружба крепка, как вино.

– Да, это не годится. Надо так: дружба крепка, как эта веревка, связывающая альпинистов. Если она не будет крепка, любой из них может погибнуть.

– Правильно! – Петр потихоньку уже собирал в рюкзак вещи.

– У тебя много друзей?

– Да. Дружить, по-моему, необходимо со многими. Веселей! А где сейчас Дмитрий?

– Дмитрий надумал серьезно учиться. Поступил в Институт инженеров транспорта. Сейчас уехал на практику.

– Все начали учиться. Один я только что-то раздумываю. Бросить все и поступить в военную школу? – спросил Петр.

– Это дело. Помнишь наши военные лагеря?

– Еще бы. Вот память осталась! – Петр показал на шрам под левым глазом.

– Ну, как? Не пора ли нам? Я просто сгораю от нетерпения, – сказал Тимофей.

– Пожалуй!

Петр стал понимать, потом внезапно крикнул:

– Смотри, смотри! Они, кажется, машут нам?

– Где?

– А вон те альпинисты, видишь?

– Верно, машут. Что у них там?

Оба вскочили и напряженно стали вглядываться в снежный склон вершины Ужбы. Там уже отчетливо были видны два человека. Один из них махал, видимо, курткой. Между ними, вернее у их ног, был какой-то темный предмет.

– Пойдем! – сказал Петр.

Он махнул в ответ на сигналы альпинистов куском брезента.

– Возьми-ка один рюкзак. На всякий случай, – предложил он Тимофею.

Они пошли к Ужбе. Быстро добрались до склона и стали подниматься навстречу группе. Теперь было видно: двое мужчин волокут на веревках кого-то в спальном мешке. Через некоторое время они совсем близко подошли к альпинистам.

– Привет! – крикнул издали Петр.

Тимофей шел за ним.

– Привет, – ответил слабым голосом высокий альпинист.

Альпинисты были внушительного вида. Но один из них казался совсем гигантом. На них были надеты тирольские шляпы. У альпиниста пониже она была с пером и значком какого-то иностранного альпинистского клуба. Оба были одеты в великолепные штормовые костюмы из непромокаемой ткани. Но лица у них были невероятно обожжены. Небритые, с облупивши-

мися темными носами, похудевшие, с осипшими голосами, они производили страшное впечатление. Люди, очевидно, пережили на вершине жуткие часы.

– Там женщина, – с сильным акцентом сказал альпинист пониже, как только Петр и Тимофей подбежали к ним.

Петр сейчас же подошел к спальному мешку. Он открыл клапан мешка и увидел женское лицо. Оно слабо улыбалось. Огромные голубые глаза глядели из потемневших орбит. Петр снял с себя штормовую куртку и стал закутывать женщину. А Тимофей, сбросив рюкзак, раздавал альпинистам, шоколад, бисквиты, сушеные фрукты. Петр стал заботливо кормить женщину.

– Печальная встреча, – сказал с улыбкой высокий альпинист. – Знакомьтесь. Моя жена, Берта Овражина, друг – Фриц Герт, австрийский альпинист, и я – инженер Овражин.

Петр и Тимофей назвали себя.

– Нас застала на вершине буря, – продолжал Овражин. – Жена упала и не смогла идти дальше.

Мы укутали ее чем смогли. Все наше имущество сорвалось в пропасть.

– У вас сильно пострадали руки? – спросил Тимофей.

– Ничего! Немного поморозили, – ответил Овражин.

Но для Петра и Тимофея было ясно, что руки у обоих альпинистов отморожены. У Овражина и Герта было только по одной перчатке. Руки они обмотали цветными кашне и чулками. Виднелись синие, слегка сморщенные пальцы. В некоторых местах на них желтели водяные пузыри. Боль в руках, очевидно, была очень сильная, австриец постоянно морщился.

– Идемте вниз, там у нас бинты и медикаменты, – сказал Петр.

Начали спускаться. Овражин и Герт шли впереди, опираясь на ледорубы. Петр и Тимофей спускали в мешке Берту. Сойдя на плато и добравшись до своего бивака, Петр достал из второго рюкзака вату и бинты. Он сделал перевязку альпинистам. Затем достал запасную фланелевую рубашу, разорвал ее и укутал фланелью больные руки. Овражин и Герт благодарили и старались улыбаться. Берта беспокоилась о руках своих спутников, и Тимофей успокаивал ее. Потом Петр и Тимофей стали собирать свои вещи. Они нагнулись за ними. Овражин и Герт сидели в стороне.

– Берта ни разу не застонала, – сказал Тимофей.

– Мужественная женщина, – ответил Петр.

– Она вроде твоей жены.

– Отдаленное сходство.

– А как же наша вершина?

– Отставить!

Тимофей вздохнул и сказал:

– А может, мне стоит подняться? Ведь это недолго. Я оставлю записку и догоню вас.

Обидно!

– Отставить!

– Да-а! Эта женщина достойна быть альпинистом.

– Ну и ребята тоже крепки.

– Ну, все, кажется?

Они собрали вещи, выпрямились и надели рюкзаки. Петр взглянул на Тимофея, улыбнулся и хлопнул его по плечу.

– Выше нос! Не горюй! Вон, смотри! – сказал он, разводя широко рукой. – Смотри, сколько вершин! Вон, вон, вон! И на всех мы побываем. Не в этом, так в будущем году. За всю нашу жизнь столько можно исходить вершин! Так, что ли!

– Так!

– А нашу красавицу мы заснимем.

И Петр нацелился «лейкой» на ту вершину, на которую они должны были подняться. Он щелкнул затвором аппарата, и оба пошли к альпинистам. Потом все вместе стали спускаться к леднику.

Огонь

Пламя бушевало и гудело в паровозной топке. А на темной, выжженной маслом и мазутом, изъеденной угольной пылью земле между рельсами, под самой топкой, дрожали оранжевые отблески. Мощный паровоз стоял на путях.

Дмитрий смотрел издали на игру огней. Уродливые отблески на земле то удлинялись, то укорачивались. Они то бледнели, то становились слишком яркими, в зависимости от количества нефти, попадающей в топку. Помощник машиниста ходил вокруг паровоза и постукивал по колесам и шатунам молотком с длинной ручкой. Он таскал с собой большую масленку. Дмитрий стоял и наблюдал за его работой. Паровоз должен был отправиться в путь. Через час длинное стальное тело замелькает среди спящих полей, прогремит над реками и вонзится в темные массивы лесов. И справа и слева будут шеренгой стоять исполины-деревья. Поезд промчится словно по ущелью, и отсветы топки выхватят из тьмы: телеграфные столбы и ярко освещенную будку путевого обходчика, молчаливые кусты и стволы сосен, сваленные непогодой гнилые деревья и трухлявые пни, болотца и шалаш охотника и еще шлагбаум у дороги. Все это мелькнет и исчезнет. Появятся города, электростанции и хаотичные огни новостроек, белесый, мгновенно меняющийся в очертаниях пар работающего копра и грандиозные пожары доменных огней, и все это тоже исчезнет. И будут опять пробегать леса. Скорость! Она захватывает. Редкий человек не уважает скорости. И особенно человек такой страны, пространства которой не могут существовать без скорости. Велики эти пространства. «И от тайги до британских морей...» – тихо запел Дмитрий, вспоминая почему-то мотив песни о Красной Армии. Он глядел на обтекаемые, зализанные формы паровоза. Родина больших дел и больших скоростей! Дмитрий был доволен, что избрал специальность, связанную с движением. Темп и скорость! Они хороши и в спорте и в работе.

Машинист пустил пар. Белые струи ударили в землю, пар за клубился, стал рыхлым и разошелся в стороны. До Дмитрия дошло влажное дыхание паровоза. Дмитрий улыбнулся. Вечером в паровозном депо уютно. Словно кипит на столе самовар, когда вся семья сидит за вечерним чаем. К Дмитрию подошел и стал рядом Трофим Сергеевич – старик машинист. Дмитрий подал ему молча руку. В депо звучала музыка. Рядом был летний сад, и там играл духовой оркестр.

– На огонь смотрите? Спросил его Трофим Сергеевич.

– Что? – Дмитрий слишком отвлекся доносившейся знакомой музыкой.

– Большая сила огонь! – сказал старик с каким-то особым ударением. – Большая...

И страшная...

– Ну, это как где, – довольно беззаботно поддержал разговор Дмитрий. – Если машина в порядке, давление в котле нормально...

Машинист на паровозе увеличил подачу нефти в топку. Отсветы на земле стали ярче.

– Да я не о технике, – сказал Трофим Сергеевич. – Мне огонь еще и о другом говорит.

– О чем же? – Дмитрий словно проснулся.

– Вы слышали что-нибудь о партизане Лазо?

– Я читал, – сказал Дмитрий.

– Он с японцами дрался в Сибири, в тысяча девятьсот двадцатом году. Красный командир, партизан. Какой был мужик! – старик покачал головой.

– Вы его видели?

– Да. Я в то время там тоже был. Работал машинистом. Вот только, как умер он, не видал.

– Его убили?

– Сожгли в паровозной топке. Звери – такого человека!.. Вот я говорю, огонь – страшная сила! Но и святая с тех пор для меня.

Старик помолчал и снова сказал:

– Он погиб на станции Уссури. Японцы взяли его в плен и сожгли. Мне рассказывал друг. Один машинист, бывший в то время на станции.

– Он все видел?

– Да. Они сожгли его, но только не в таком паровозе, как вот этот, таких еще тогда не было. А на дровах. Видел такие топки? А сначала долго били...

– А он?

– Он? В долгу не оставался! Он дрался все время, лупил их по мордам. Они все зверели и зверели, подтащили его к топке, взяли за ноги и стали совать в огонь. Лазо все же сопротивлялся, пока не ослабел. Тогда эти мерзавцы, – друг мне рассказал, – сунули его внутрь и захлопнули дверцу, а потом открыли ее, чтобы посмотреть. – И кинули туда еще парочку поленьев, чтобы жарче было...

– Гады! Не нужно, Сергеич, больно слушать!

Машинист дал гудок, и мощный паровоз, вздрогнув, покатился по рельсам. Они чуть опускались под его тяжестью.

– А ты слушай да на ус мотай. Али усов нет? – старик, овладев собой, улыбнулся.

– Пока нет, но будут!

– Инженером-то когда станешь?

– Когда выучусь.

– А скоро это?

– Да не особенно. Я недавно начал учиться в институте.

– А ты практикуйся лучше, практикант. Идем к моему красавцу.

– Куда это?

– А вон на седьмом пути. Только что закончили чистку. Сейчас заправляемся. Через минут двадцать выезжаем.

– Далеко?

– Транзитный груз. Граница!

– Пойдем. Мне как раз нужно осмотреть паровоз с вашей топкой.

Дмитрий и Трофим Сергеевич пошли на седьмой путь. Они прошли мимо поворотного круга и повернули налево, около конторы, где громко разговаривали машинисты. В депо доносились звуки духового оркестра. На седьмом пути стоял паровоз «ЭХ-3161».

– Вот он, мой красавец, – указал старик.

От паровоза к ним навстречу бежал Василий.

– Что там такое, товарищ помощник? – крикнул Трофим Сергеевич и подмигнул Дмитрию.

– Беда! – ответил Василий, запыхавшись.

– Ну, говори, говори, что случилось? – старик сразу нахмурился.

– В топке три колосника выпали.

– Что?!.

– Во время чистки небрежно установили. Три штуки в заднем ряду провалились!

– Ах, лодыри! Что же ты глядел?

– Заметил, да поздно! Паровоз уже под парами.

– Ну вот и погубили! Позор на седую голову!

Трофим Сергеевич, ахнув, побежал к паровозу, за ним отправились Василий и Дмитрий. К машине спешил уже и дежурный по депо.

– Что же это, Трофим Сергеевич? График срываете? – встретил он машиниста.

– Ничего, ничего. Сейчас что-нибудь придумаем. Паровоз дам вовремя! – ответил старик.

Он полез на паровоз! В будку машиниста забрались также Дмитрий и дежурный по депо. Трофим Сергеевич открыл топку, там металось пламя. В лицо пахло жаром, и у всех сощурились, стали влажными глаза. На огонь не хотелось смотреть.

– Придется тушить и выгребать! – сказал дежурный по депо.

– Нет, нет. Это же задержка. Это же нельзя. Мы как-нибудь иначе, – волновался Трофим Сергеевич.

– Без задержки не обойтись. График придется поломать.

– Простите, – сказал вдруг Дмитрий и выступил вперед.

Он схватил лопату для угля и протянул ее дежурному по депо.

– Натек-ка. Отгребите огонь в топке в сторону и забросайте его свежим углем. Да колосники достаньте. Запасные есть? И побыстрее! А я сейчас!

– Дмитрий улыбнулся обескураженному Трофиму Сергеевичу и соскочил с паровоза. Внизу стоял Василий.

– Дай-ка, – Дмитрий выхватил у него рукавицы, – бежим со мной.

Они побежали к водонапорной колонке.

– Захвати-ка парочку тесин, – крикнул на ходу Дмитрий и указал Василию на сарай, где лежал тес.

Василий принес три небольшие доски. Дмитрий схватил их и стал с ними под трубу гигантской водонапорной колонки.

– Пускай воду, полегче только, – крикнул он Василию. – Постой, дай-ка мне твою кепку.

Дмитрий надел фуражку Василия, нахлобучив ее на лоб, потом опять взял на руки доски.

– Пускай!

Вода полилась. Василий пустил ее в неполную силу. Широкая струя ударила Дмитрия по голове, и он отогнул ее немного в сторону. Вода брызнула за шиворот и проникла к телу. Вода заливала лицо, но Дмитрий привычно, как во время нырянья, набрал в легкие воздух и терпеливо ждал, пока одежда его не промокнет. Он подставлял под струи воды и доски. Одежда набухла.

– Довольно! – крикнул Дмитрий. – Достань два ведра, налей воды и тащи к нам.

Сам он побежал к паровозу, оставляя на земле мокрые следы, протянул скользкие доски высунувшемуся из паровоза Трофиму Сергеевичу и влез в будку машиниста. В топке пламя уже не бесновалось, но там все было так накалено, что Дмитрий, заглянув внутрь, отпрянул назад. Огонь притаился под спекшейся коркой свежего, только что набросанного угля. В некоторых местах черная корка уже багровела, и чувствовалось, что вот-вот пламя прорвется и опять заполнит топку.

Дмитрий быстро сунул доски в топку и прикрыл ими кучу угля и колосники переднего ряда решетки. Потом, прикрыв мокрой рукавицей лицо, полез внутрь. Густой черный дым ел глаза, но Дмитрий не обращал на это внимания. Он продвигался вперед. Скорей! Нестерпимый жар обжигал Дмитрию подбородок, уши и шею. «Лазо...» – мелькнула мысль. Нужно немного потерпеть! Вперед! В конце колосниковой решетки он увидел зияющее отверстие. Там не хватало трех колосников. Новые колосники лежали сбоку. Их туда забросил дежурный по депо. Дмитрий дотянулся до них рукой и стал ставить на место. Один. Второй... У Дмитрия прервалось дыхание и запершило в горле. Третий! Все на месте! Назад! Быстрее! Дмитрий вылезал из топки задом, чувствуя, что еще минута, и он останется в этом пекле навсегда. Раскаленные концы дымогарных трубок, похожие на соты из пчелиных ульев, словно надвигались на него. Скорей! Дмитрий вывалился из топки, ударившись обо что-то затылком. Он вывалился на пол паровоза, но тотчас поднялся и глубоко вздохнул. Одежда на нем дымилась. Он соскочил по лесенке на землю.

Василий сейчас же облил его водой из ведра. Из паровоза выскочил Трофим Сергеевич и бросился к Дмитрию.

– Дружок! Милый!.. Да бог ты мой, боже...

– Ничего, ничего, – сказал, смущенно улыбаясь, Дмитрий.

Он гладил свою опаленную левую бровь. Трофим Сергеевич обнял его и поцеловал.

Потом паровоз «ЭХ-3161» уехал, и рельсы вздрагивали под его тяжестью. А Дмитрий пошел в контору, сам даже не понимая, как все произошло и какое благородное властное чувство владело им в тот момент.

Из соседнего сада в депо по-прежнему долетала музыка.

Рвется финишная ленточка

Сергей и Александр, проходя мимо трибун, подняли руки вверх и приветствовали зрителей. Весь стадион произносил их имена. Болельщики вскакивали с мест и, размахивая кепками, желали им удачи. Вместе с Сергеем и Александром в одном ряду шел их главный противник, французский чемпион – бегун Анри Думлер. Он шел с огромным букетом цветов, который ему преподнес Александр. Публика приветствовала гостя. Зрители с уважением смотрели на его складную, немного сухую фигуру и спорили о предстоящей борьбе на дорожке. Участники соревнования обошли вокруг всего стадиона и вернулись к месту старта, где около столиков хлопотали судьи. Секундометристы проверяли секундомеры. Сергей, желая немного размять свои мышцы, обежал кругом площадку для прыжков. Александр слушал своего тренера, в десятый раз повторявшего ему расчет всей дистанции. Думлер, улыбаясь, говорил со своей женой, протягивая ей подаренный букет цветов. Остальные спортсмены ходили и разговаривали между собой. На стадионе пахло цветущей липой. Рядом была большая липовая роща. По ее аллеям бегали мальчишки. Им не удалось пробраться на стадион, где происходили международные легкоатлетические соревнования. И они, бегая по дорожкам сада в трусах, подражали спортсменам, которые в это время нервничали на старте.

Петр и Ольга сидели на южной стороне стадиона, на трибунах у самой дорожки. Они запоздали и только что пробрались к своим местам. Петр, защищаясь рукой от солнца, вглядывался в кучку бегунов на старте. Он искал Сергея и Александра. Ольга держала в руках программу соревнований, но взгляд ее был направлен на одинокий кустик травки у беговой дорожки. Она о чем-то задумалась. Ее широкие, густые брови были сурово сдвинуты, и между ними легла тонкая, сердитая складка. Петр видел эту грозную приметку: не избежать, видно, и сегодня крупного разговора. А может быть, это и к лучшему – оборвется, наконец, истончившаяся ниточка между их сердцами. Они что-то перестали понимать друг друга, начали отчуждаться. Неужели это уже их финиш? Нет, нет, это еще далеко не конец! У них впереди еще большая дистанция, еще много кругов... Только не надо ничего обострять, не надо никаких разговоров. И, чтобы отвлечь Ольгу от ее мыслей, Петр говорит громко:

– А вот и они.

– Что? – отозвалась Ольга.

– Сергей и Александр!

– Уже бегут?

– Нет еще.

– А Тимофея ты не видишь?

– Нет, он где-нибудь на трибунах. Нам с ним достались разные места, – ответил Петр.

На северной стороне стадиона сидел Тимофей. Рядом с ним находился и Дмитрий. Они обнимали друг друга за плечи и, откидываясь назад, хохотали над сидевшими внизу ребятами, в которых незаметно кидали свернутые из газетной бумаги шарики.

Бумажные ядра попадали в спины и головы. Ребята оглядывались, но никого не могли уличить, потому что на верхних трибунах смеялась вся публика.

– А ну их! – сказал Тимофей. – Я рад, что ты опять со мной.

– И я тоже. А как остальная наша братва?

– Петр в Москве. В прошлом году во время отпуска мы хорошо с ним полазили по Кавказу. Николай – в санитарной авиации, комсомол послал. Но сейчас он, кажется, в Коктебеле на всесоюзных планерных соревнованиях. А я теперь уже своих учеников имею – летчиков. И тоже учусь дальше: летать на самолетах последних конструкций.

– А вот меня это не тянет, – сказал Дмитрий.

– Известное дело – боишься поцарапаться!

- Может быть. Ну а Женя?
- Родила сына.
- Ты пропал, это ведь свяжет.
- Где это ты набрался таких взглядов? Уж не в Норвегии ли, когда ездил на соревнования?
- Ты обиделся?
- Ну вот еще. Я просто говорю то, что мне в тебе не нравится.
- Ну, а скрипка как?
- Бросил! Совсем нет времени. А Женя рада, говорит: «Кончились мои мучения».

А ты как?

– Был на практике. Потом на соревнования ездил: установил два рекорда. Теперь опять за учебу...

– Точка! Посторонние разговоры воспрещаются, – сказал вдруг Тимофей, взглянув в сторону старта.

– Да, да, – согласился Дмитрий. – Стартер уже поднял свой пистолетище!

И действительно, на старте вот-вот должен был раздаваться пистолетный выстрел. У Сергея, как говорится, тряслись поджилки. Он не трусил, но, как обычно во время серьезных соревнований, им на старте овладело необычайное волнение. Каков-то будет первый шаг? Хватит ли сил? Правильно ли рассчитана дистанция по времени? Эти мысли проносились вихрем в голове. Сильно билось сердце, и даже побаливал живот. Но Сергей утешал себя тем, что и другим не слаще. Александр тоже побледнел и сосредоточенно копал на дорожке свою ямку. Один Думлер непринужденно улыбался. Но и эта улыбка была скорее профессиональной, чем искренней. Остальные участники забега чувствовали себя спокойнее потому, что знали, что им, кроме своих последних мест, терять нечего. Сергей сделал несколько глубоких вдохов, подтянул трусы и потом, опустив носок правой ноги в вырытую ямку, встал на левое колено и оперся о землю пальцами рук. Вытянул голову, подался немного корпусом вперед, чтобы по команде как можно быстрее кинуть свое тело навстречу финишной ленте, которая, увы, была еще за пятью тысячами метров. Окружающий мир перестал для него существовать. Сергей ждал только сухого пистолетного треска и чувствовал, что если его сейчас не последует, то он упадет от напряжения. Но выстрел раздался вовремя, и все шестеро бегунов в разноцветной спортивной форме рванулись вперед. Спортсмены побежали по кругу. Впереди всех был Думлер.

– Вот и пошли! – сказал Петр.

– Да, но когда мы кончим с тобой наш разговор? – спросила Ольга.

– Только не сейчас!

– Ты так говоришь все время. В трамвае – люди, на улице – неудобно. Здесь – нужно смотреть. А дома – тоже находишь себе другое дело.

– Конечно. Одними разговорами сыт не будешь.

– А я не могу так! – почти выкрикнула Ольга.

– Говори тише. Вон смотри, как француз уходит вперед. У него замечательно отработан шаг. Он определенно выигрывает.

– А по-моему, он уже зарвался. Я ничего, правда, не понимаю, но у меня чутье. Я чувствую, когда люди зарываются.

– Могу заключить пари.

– Не надо. Ты лучше скажи, почему с нами нет Тимы? Боишься моего союзника?

– Я же сказал: у нас с ним разные места. Смотри, смотри, Серега увеличивает шаг! –

Петр приподнялся.

Весь стадион был увлечен бегом. Зрители вставали со своих мест и подбадривали бегущих. Тимофей комкал от волнения газету.

Он напряженно следил за Думлером, Сергеем и Александром. Остальные бегуны уже здорово отстали. Дмитрий спокойно рассуждал.

– Я считаю, – говорил он, – что выиграет Сергей. Вообще-то большие данные на победу имеет Александр. Но он по молодости не уверен в себе. А Думлер не выдержит.

– Хорошо, если так, – сказал Тимофей.

– Увидишь! Прошло то время, когда к нам приезжали и хвастались своей техникой заграничные бегуны. И мы не лыком шиты. Смотри, как легко бежит Сергей, как отработан у него шаг.

– Да, это просто удивительно, какой у него легкий и длинный шаг. И он совершенно не утомлен.

– По этому поводу могу дать разъяснение.

– Обожди ты со своим разъяснением. Смотри, Сергей все удлиняет шаг. Достает француза.

– А это зачем? – сердито крикнул Дмитрий. – Куда помчался!

Александр внезапно сделал бросок. До этого он ровно бежал в пяти метрах от Сергея. Но когда тот стал легко и без всякой видимой затраты энергии догонять француза, Александр усилил темп бега. Поравнялся с Сергеем и Думлером и вышел вперед их. Сергей бежал по-прежнему легко и ровно. До его сознания доходили одобрительные крики зрителей, но на трибуны он не смотрел. Сергей сосредоточенно следил за числом кругов и временем, полагающимся на каждый круг. Руки, немного согнутые в локтях, висели совершенно расслабленно. Они мерно шевелились в такт бега. Он бежал, ступая на пятку, потом нога перекатывалась на носок, и Сергей отталкивался. Дыхание у него было совершенно свободное. Он даже удивился на себя, – как легко бежит. А одно время хотел сойти с дистанции. Это было на пятом круге, но это был кризис. Потом все вошло в норму, и вот сейчас до конца осталось только три круга. Когда Александр вырвался вперед, Сергей не испугался. Это обычный прием отстающих сбивать с толку своих противников внезапным броском. Надо быть хладнокровным. В этих случаях проигрывает только инициатор бросков! Но француз попался на удочку Александра. Он оглянулся на Сергея и погнался за Александром. Сергей не увеличил темпа. Александр побежал слабее, француз его обогнал. Через несколько секунд Сергей опять поравнялся с Александром, обошел его и еще через некоторое время вновь бежал рядом с Думлером. Француз нервничал и часто оглядывался. «Сашка добился своего, – подумал Сергей, – но вряд ли это ему поможет». Александр снова бросился вперед. Француз устремился за ним. Сергей бежал все так же ровно.

– Чудаки, – сказал Дмитрий, – от этого выиграет только Сергей. Он один имеет ясную голову.

– Да. Это будет сенсацией, если он прибежит раньше француза, – заметил Тимофей.

Он уже не мог сидеть на месте. Встал и махал Сергею газетой, как будто тот мог это заметить.

– Интересно, где Петр? – спросил Дмитрий. – Он так восхищался французом!

Но Тимофей ему не ответил. Он был увлечен борьбой бегунов.

Петр внимательно следил за Думлером. В руке у него мерно тикал секундомер.

– Вот ты говоришь, – сказала Ольга, – что уважаешь женщин, а на деле выходит обратное.

– Разве я тебя чем обидел? – спросил Петр и поглядел на секундомер.

– Нет. Но я чувствую какой-то обман.

– Чувствовать хорошо при любви, а на соревнованиях надо думать и рассчитывать.

– Иногда мне кажется, что ты мне совсем чужой. А между тем я тебя знаю уже давно.

– Все это истерия. Посмотри-ка лучше, что выделывает француз.

Думлер бежал впереди всех. Александр измучил его своими внезапными бросками. И он раз навсегда решил отделаться от него. Француз бежал теперь во всю силу, несмотря на то,

что до конца остался еще целый круг. Александр следовал за ним в пяти метрах. Сергей отстал, но у него в запасе было еще много сил. Его несколько раз подмывало броситься вдогонку за французом и Александром, но он сдерживался и бежал так, как требовал расчет дистанции. Публика чувствовала приближение финиша и стала кричать Сергею. Но он не обращал на это внимания.

– Француз бежит, как чистокровный арабский конь, – продолжал Петр. – Все-таки у него очень хороша техника.

– Александр еще догонит его, – возразила Ольга.

Сергей неожиданно для публики стал сокращать просвет между собой и бегущими впереди. Александр оглянулся и опять сделал бросок. Француз с яростью не дал ему вырваться на первое место. Сзади быстро приближался Сергей.

– Будет борьба! – сказал Петр.

– Да, и жестокая! Я хочу победить! – Ответила Ольга.

Петр быстро взглянул на нее.

– Ты о какой борьбе?

– О нашей! Мы должны сегодня же договориться раз и навсегда!

– Ты сегодня что-то очень боевая.

– Иногда трудно быть спокойной.

– Это верно.

Петр посмотрел на секундомер.

Ольга говорила:

– Это мерзко! Ждать! Ждать чего-то, жизнь идет мимо, а ты лишена всех ее радостей!

– Ты же знаешь, нам еще не время думать о детях.

– Твоя теория! Я хочу знать...

Сергей обогнал Александра и Думлера. Александр сразу же отстал на десять метров, а француз не хотел отставать от Сергея и бежал изо всех сил. До конца оставалось двести метров. Сергей оглянулся. Сзади тяжело дышал Думлер. Сергей стал финишировать. Помогая телу устремляться вперед, он заработал даже локтями. Публика кричала от восторга.

– Что ты хочешь знать? – спросил Петр.

– Ты любишь меня или нет? – Ольга взяла его за руку.

Петр отстранил ее потому, что в руке у него был зажат секундомер.

– Ну если: да?

– Нет, ты скажи определеннее...

– Смешно, когда об этом много говорят!

– Тогда нам больше не о чем толковать! Не о чем и незачем!

– Ну вот, опять поссорились. Снова будут хлопоты и всякие конференции по разоружению.

Ольга встала. Сергей был почти у финишной ленты. Думлер сильно отстал и бежал по самому краю зеленого поля. Потом внезапно остановился и сошел с дорожки на траву. К Думлеру подбежала жена, он развел руки в стороны и глубоко вздохнул.

– Le Coeur? le Coeur! – сказал он. – Dans toute distance j'avais le mouvais coeur¹.

Сергей разорвал финишную ленту. Александр тоже закончил бег.

– Ты проиграл, – жестко сказала Ольга, указывая программой на Думлера.

– В чем? – спросил Петр.

– Во всем! – она кинула программу на землю. – я перестану любить тебя.

¹ Сердце, сердце. На всей дистанции плохое сердце.

– Ну вот, опять придется просить прощения, – сказал Петр и взглянул в последний раз на секундомер.

Ольга вздохнула и пошла к выходу.

А Тимофей и Дмитрий, сидящие на северной стороне стадиона, приветствовали Сергея.

Рекордный полет

Над каменистым склоном горы Тайбарге летает планер. Он бесшумно движется вдоль склона. Когда долетает до края, то делает красивый плавный разворот и летит обратно. Медленно и бесшумно. Потом поворачивает назад. Так летает все время. С моря дует бриз. Ветер обтекает гору, и планер держится в его потоках. Вдали плещется море. Плещется и дышит прохладой. Сверху кажется, что до моря можно добросить камень, но это обман зрения. Море далеко, несмотря на то, что до горы порой доносится шум, похожий на говор волн. Днем бриз дует с моря, а ночью он меняет свое направление и дует уже с суши. Но планер все равно продолжает летать над склоном. Это рекордный полет Николая Воронцина. Он сидит в кабине и управляет планером. Окошко кабины открыто, и лицо Николая обдувает морской ветер. Николай разговаривает сам с собою.

– Разве порочно говорить вслух одному? Нет! Попробуйте-ка, пролетав на планере свыше тридцати часов над одним и тем же местом, помолчать! Это даже полезно: петь или говорить, когда хочешь побить рекорд. Болтаться над горой два дня и ночь – чертовски скучная штука! Ну, что? Вот вечереет, садится солнце. Стать поэтом и выдумывать, как садится солнце? Скучно! Оно уже садится для меня второй раз. И все равно ничего лучше природы не выдумаешь. Красиво и очень просто! Падает переспелый персик за горизонт – и все. Кстати, в этих местностях персики очень вкусны. И ребята чересчур перегружают ими желудки. Вон и у меня они лежат там, где-то в ящике около ног. Там же и термос с бульоном. Может быть, закусить? Нет, не стоит! Ну, вот, для земли солнце уже закатилось. Вокруг совсем серый, надоевший пейзаж. И главное, все знаешь, что где. Справа холмы, там виноградники. Уже, наверное, сидят у кустов девушки, и около них вьются парни. Может быть, видят они, как летает над горой розовой птичкой планер. Меня-то ведь солнце еще освещает. Может быть, загляделась сейчас какая-нибудь деваха на эту птичку, сощурила глаза, а парень – раз и поцеловал ее. А там, впереди, куда летит моя стрекоза, у конца склона зажигаются огни города.

Это небольшой городок, упрятанный в зелени садов. Вот ясно видно, как вспыхивают огоньки. Направо от города висят гирлянды ослепительных шариков. Это огни электрической станции и радицентра. Там стоят высокие мачты, и на концах их горят рубиновые огни. Они предупреждают летчиков об опасности. Но мне плевать на них! Я хитрый! Я и без них знаю, где для меня опасность. Попробуй задремать ночью в этом месте, ну и промажешь мимо. Соскочишь с воздушных потоков – и поминай лихом. Какой тебе там рекорд! До аэродрома-то хоть бы добраться. Поташит тебя вниз, к черной земле. Гадай себе место для посадки. Поэтому-то я и поворачиваю теперь обратно. Правой рукой штурвал увожу вправо, правой ногой нажимаю на педаль. Ишь, как свистит ветер в тросах! Злится! Обманул я его. Поплывем в обратный путь. Все это вроде беличьего колеса. Кругам и счет уже потерял. Устал я. Ветер, а ветер, может быть, плюнуть на мировой рекорд? Пойти на посадку? Скажу: ветер планер не держит и все такое, мол, а сам пойду спать. Нет, не выйдет это дело! Ты-то, ветер, – за, но я против. Уже ночь! Темнота висит справа, и слева, и впереди. Нет, впереди что-то светится. Это аэродром. Там прожектора освещают посадочный знак. Там дежурят люди, техник Алешка – доктор моей стрекозы, друзья.

Все мои товарищи давно уже сели. Начинали-то летать пять планеристов, а остался я один. Остальные не продержались! Оказывается, с бризами надо быть вежливым и знать их повадки. Ну вот, и аэродром. Не свисти, ветер! Все равно не сяду, пока рука не отвалится. Конец склона! Надо опять поворачивать. Под фюзеляжем белеет посадочный знак. Несколько лет тому назад этот знак освещался не прожекторами, а ручными фонарями «летучая мышь». Это было примитивно, но и тогда летали с не меньшим энтузиазмом. Тогда летала и Женя. Женя! Вот о чем поговорить! О любви! Ветер, хочешь я расскажу тебе о своей любви? Конечно,

хочешь! Я тогда был молод и не так спокоен, как сейчас. Волновался слишком часто. А теперь я совсем не волнуюсь. Зрелость! Ну вот, и жило нас тогда три друга: я, и Тимофей, и Женя – девушка. Ветер, она была черноволосая. У нее большой, немного выпуклый лоб. Он был всегда спокойным и гладким, а иногда даже блестел. Мы с Тимкой смеялись и делали вид, что ее лоб – это зеркало и мы в него смотримся. Правда, смешно? Ну, а Женя сердилась. Ее карие глаза становились влажными. Но она не плакала. По-моему, Женя не умела плакать. Она была строгая. Мы учились все вместе в планерной школе и работали на заводе. Тогда было жаркое время. Я успевал делать вдесятеро больше дел, чем теперь. Времени не хватало для гуляний. Но все же я ухитрился влюбиться в Женю. Ветер, ты знаешь, что такое влюбиться? Это очень просто! Вот и ты, ночной бриз, влюблен в море. Тянешь все время туда, где шумит прибой. Ты затих, ветер? А, да, конец склона. Что ж, повернем обратно. Влюбился – и жизнь моя закипела. Я и сейчас далек от старости, как от этой спящей земли, ну, а тогда был совсем юным. Я и не предполагал, что нужно спешить срывать яблоко с дерева, пока оно не упало от порывов такого вот ветра, как ты. Я все медлил и старался растянуть наслаждение простых встреч, когда еще ничего не сказано даже намеками. Это возможно только в юности – любить и оттягивать час объяснения для того, чтобы мечтать о нем и представлять его себе каким-то особенным. И на заводе и в планерной школе я встречался с Женей и все время думал, что вот-вот наступит час, когда я скажу ей свое заветное слово.

Она была, как всегда, строга и деловита. А мне казалось, что это тоже маска, за которой скрыта любовь. «Подожди, плутовка! – говорил я про себя. – Придет конец твоей строгости». Однажды я решил, что наступило время для разговоров. Я как раз купил билеты в театр. «Ну, что же, я очень рада!» – сказала мне Женя, когда я предложил ей пойти посмотреть пьесу Шиллера «Коварство и любовь». И мы пошли... Это была прекрасная вещь – то, что мы смотрели в тот вечер. Вам, ветрам, знакомы другие зрелища, они грандиозны, я знаю. Ну, а мы смотрели спектакль про страдания и любовь людей. Режиссер по-особому сделал эту постановку. Он заставил нас смотреть на сцену как бы сверху. Как с планера на небольшой высоте. Я видел мрачные стены замка, и синий свет, переливающийся на бутафорских башнях. По двору, выложенному огромными каменными плитами, шел гнусный Вурм, и шаги его гулко раздавались в тишине. Мое сердце забилося от гнева. Я ненавидел этого иезуита. И схватил в волнении пальцы Жени. Она не отняла руки, и я тогда вернулся к действительности. Я любил Женю. Опустился занавес, и мы вышли в фойе. Мы встали у рояля. Я растопырил пальцы, поглаживая его блестящую поверхность.

«Женя, – сказал я ей, – если бы такой человек, как Вурм, грозил чем-либо тебе, я бы его растерзал!»

«Чем я обязана такому рыцарству?» – спросила она.

«Тем, что я хочу быть твоим рыцарем», – ответил я.

Она тогда посмотрела на меня очень пристально и сказала:

«Так, понимаю. Но об этом мне уже говорил вчера Тима».

«Вчера? Когда же он успел?» – испугался я.

«А во время полетов. Вы сумеете найти время!» – объяснила Женя.

«Вот это бенефис! Всегда запаздываю к вечернему чаю!» – и я чуть не расплакался.

«Как знать! Если бы пришел раньше, все равно чаю могли бы не дать!» – Она засмеялась.

Потом взяла меня за руку и сказала в утешение:

«Мы с тобой большие друзья!»

Так я и не сорвал с ветки румяное, крепкое яблоко. Вот рассказал о своей любви. Тебе неинтересно? Ты дуешь себе и дуешь: знаю много, мол, таких историй! Ну что же, я не Колумб и не первый открываю Америку. Мне вообще-то все равно, я болтал с тобой лишь для того, чтобы не заснуть и не потерять под собой склона. Мне летать осталось уже немного. Я побил всесоюзный рекорд, а через час и мировой будет моим. Ты свистишь о тросы? Спрашиваешь:

ну, а Женя? Могу ответить: Женя – жена Тимофея, и у нее сын. А мне, скажу тебе по секрету, не обидно! Все равно я не разлюблю ее, хотя, возможно, и у меня будет жена. Так уже выходит в моей жизни. Я теперь спокоен, а спокойным дважды вспыхивать трудно. А потом я солдат, солдат воздуха, и все время веду войну с такими вот, как ты, ветрами. Где уж тут ухаживать и влюбляться заново. Так вот я люблю ту, которая мне никогда не достанется. Приятно бывать у нее в гостях. Она, наверное, давно забыла о моих робких признаниях в театре. Я для нее только добрый, старый друг, который дает благие советы. Какое ей дело до моих огоньков в сердце, так же, как тебе, ветер, нет дела до огней, мигающих там внизу, в городе. Я всегда стремлюсь ее видеть. Вот и теперь не прочь бы. Что же, это дело не трудное! Спустишь и завтра же распрощусь со стрекозой. Баста! Кончили летать. Пора и отдохнуть. Хочу в Москву! Так и скажу своему технику Алексею: «Айда, мол, в Москву, спасибо за хлопоты!» А он ответит: «Есть!» И у самого сердце так и запрыгает. Знаю, есть и у Алешки, о ком можно поговорить со всяким встречным-поперечным ветром. Ну, мне надоело болтать! Кончим разговоры, ветер. Я вижу, ты несговорчивый парень. Или к утру изменился твой характер? Что это за игра, то утихать, то снова дуть? Что ж, скоро кончим. Надул я тебя, ветер, наговорил с три короба, а тем временем и переполз через мировой рекорд. Сорок шесть часов! Вот уже светает. И как это происходит быстро. С краев горизонта поднимается какое-то жемчужно-розовое сияние. Все усиливается и усиливается. Вот уже ясно виден каменистый массив горы, и зелень, и селения, спящие в белесом тумане. И планер начинает проваливаться. Что же это ты, ветер, выдохся? Не кончил с честью? Ослаб! Да и я уже не тот, что раньше. Чертовски устала правая рука, и спать хочется. Веки словно свинцовые. Нет, слышишь, ветер, я больше не летаю на продолжительность. Ну что ж, идем на посадку. Разворот! Так, сделаем спиральку! А теперь по прямой. Ужасно устала рука. Шутка ли, сорок шесть часов проболтаться над горой. Ладно, выплюсь – и в Москву! Земля все ближе и ближе. Вот бегут люди. Что же, здравствуй, земля! С добрым утром!

Планер легко сел около белого посадочного знака. И все сейчас же подбежали к планеру. Николай вылез из кабины и устало шевельнул пальцами правой руки. Он улыбнулся всем.

– Поздравляю с мировым! – сказал Алешка.

– Спасибо, Алеша. Завтра собирайся в Москву, – ответил Николай.

– Есть! – сказал Алешка.

Они пожали друг другу руки. Потом Николаю жали руки все присутствующие. Алеша вдруг встрепенулся и полез в карман.

– Прости! – сказал он. – Забыл от радости! На!

И протянул Николаю телеграмму.

Тот вскрыл ее и, прочитав, спокойно сказал:

– Алеша, отставить Москву! Готовь машину, завтра снова летаю.

– Есть! – ответил Алешка.

Николай передал телеграмму начальнику аэродрома. В ней было написано:

«Два дня назад состязаниях Рёне немец Ритман пролетал сорок семь часов тчк Тимофей».

Женщина хочет ребенка

Петр срывает с ветки ели несколько иголок и кладет в рот. Он разжевывает их и выплевывает. Во рту остается вязкий вкус хвои.

– Ты как маленький, – говорит ему жена. – Все съешь в рот.

– Нет, Оля, ты только попробуй, какая это прелесть! – смеется он. И подносит к ее лицу пушистую веточку молодой ели. Иголки колют Ольге щеку, и она отворачивает лицо в сторону.

Темные кроны сосен сплетаются вверху своими ветвями. Растут молоденькие ели, а рядом с ними стоят огромные, в несколько обхватов, старые хвойные деревья. По лесу, придавив траву, лежат кое-где срубленные стволы-исполины. Многие из них потемнели и начали гнить. Они мертвы, но около них буйно пробивает себе дорогу молодая жизнь, и даже на самих поверженных стволах растут какие-то грибки.

– Пойдем-ка назад, а то автомобиль уйдет без нас, – говорит Ольга.

– В нашем распоряжении еще целый час, – успокаивает ее Петр. – И мне хочется посмотреть, что там.

Он указывает на расступившийся перед ним лес. Они подходят и видят, что стоят на краю обрыва. По склону растут деревья, а внизу далеко в ущелье гремит горный поток. Вода течет между гигантскими камнями, покрытыми зеленоватым мхом. Русло реки полузавалено стволами деревьев. Некоторые из них вывернуты из почвы с корнями. Все нагромождено, переплелось и выглядит диким.

– Мировой хаос, – произносит Петр.

– А помнишь Уссурийский край? – спрашивает Ольга. – Там тоже в тайге хаос.

– Да, и там.

Помолчав, Петр говорит:

– Ну вот, мое любопытство удовлетворено. Теперь, если хочешь, можем пойти назад.

– Пойдем.

Поворачиваются и уходят от обрыва. Идут и слышат, как затихает рев воды. Скоро Ольге и Петру уже совсем не слышно шума потока. Они выбирают из леса и бредут по дороге к аулу.

– Как точно называется этот аул – Сатой или Шатой? – спрашивает Ольга.

– Сатой! Но и Шатой тоже есть. Только в другом месте.

– А ты знаешь, мне немного грустно возвращаться в Москву. Здесь уж очень хорошо!

– Но, дорогая, пора! Наш отпуск кончился. Лично меня так и тянет домой.

– Ну, еще бы! Ты ведь у меня теперь школьник, ученик, – Ольга засмеялась.

– Да, это замечательно! Книжки, тетради, учеба, уроки, профессора...

– Смотри-ка, самолет!

– Где?

– Вон между двух вершин. Да не там! Сюда надо глядеть!

– Это орел.

– Нет, самолет. Это же ясно видно. Ну?

– Да, ты права.

Они входят в селение и идут к почте. Около обмазанного глиной и выкрашенного в белый цвет одноэтажного здания стоит маленький грузовик. Оба идут к нему, там лежат их вещи.

– Ну, и пассажиры пошли, – встречает их со смехом шофер. – Я уж хотел уезжать без вас. Где это вы пропадали?

Ольга и Петр не отвечают. Шофер не вызывает симпатии. Низкорослый, рыжеватый парень имеет распущенный и бесшабашный вид. У него белесые, выгоревшие ресницы и брови, небритые щеки. Шофер прищуривает понимающе левый глаз и отходит. Ольга и Петр слышат,

как он запекает: «А под вечерочек чубчик так и вьется». Единственную фразу из какой-то разудалой песни шофер поет с самого раннего утра.

Потом появляются и другие пассажиры: работник местной библиотеки, его жена с маленьким сыном и руководитель поселкового театра.

– Пора ехать! – кричит шоферу библиотекарю.

– Успеем, – отвечает тот, – в два мига домчим.

Он сидит на своем шоферском месте и грызет семечки. Мимо проходят девушки, шофер нажимает кнопку сигнала и пугает их резкими звуками. Внезапно он говорит:

– А ну, давай садись. Время! Пора ехать.

И заводит машину. Петр подсаживает Ольгу на грузовик, а затем помогает взобраться жене библиотекаря. Ее муж возится с пачками книг. Сам Петр вскакивает в машину уже на ходу. Автомобиль катится вниз по дороге. Шофер поет свою песню. Петр и Ольга сидят, держась за ременные поручни, приделанные к бортам машины. Они смотрят, как удаляются величественные горы. Солнце освещает горы, и снега на их вершинах розовеют. Но в провалах ущелий снег кажется ультрамариновым. Еюлы скалы выглядят рыжими, а немного ниже этих скал зеленеют леса. Вся картина очень свежая и яркая, потому что в воздухе нет пыли и глазу отчетливо видны все краски. Машина подпрыгивает на камнях и неровностях дороги. Но пассажиры ни на что не жалуются, даже мальчик сидит молча.

– Вот и все, – говорит Ольга. – Прощайте, горы!

– Еще не все, – Петр возражает, – до города ехать да ехать!

– Да, но по горам уже больше не полазаем.

– Хватит уже.

– Я никак не могу забыть эти альпийские цветы. Помнишь их?

– Да. Хорошо было бы заснять их на цветную пленку, – отвечает Петр.

Машина спускается вниз. Справа от дороги обрыв, и внизу в каменистом русле бежит бурная река.

– Вы тоже едете в Дзауджикау? – спрашивает библиотекарю Петра.

– Да, – отвечает тот.

После поворота автомобиль останавливается, из кабины вылезает шофер и приветливо машет всем рукой. Он идет к белой скале, прикрепленной к отвесной стене. Ему захотелось пить.

– Километров пятнадцать отъехали, – говорит библиотекарю и привстает в машине. Ему наскучило сидеть в автомобиле. Он ставит ногу на борт и прыгает на землю. От его движения машина вздрагивает и катится вперед. Шалопай-шофер не закрепил тормоза! Автомобиль быстро едет под горку. Библиотекарю неудачно выпрыгнул. Он лежит на земле и кричит. Его жена бросается ему на помощь. Вместе с ней из машины выскакивает и руководитель театра. В мчащейся к обрыву машине остаются мальчик, Петр и Ольга. Мальчуган сидит в передней части машины. Он забился под сиденье и уцепился там за что-то руками.

– Петя, спасать мальчишку! – кричит Ольга.

Она встает в машине во весь рост. Автомобиль в это время налетает задним колесом на камень. Кузов подкидывает и Ольгу выбрасывает вон. Она, как кошка, падает на руки и на ноги. Тотчас поднимается и бежит за автомобилем. А Петр перебирается через лавочки и пачки книг в переднюю часть грузовика. Его швыряет от одного борта к другому. Кузов скрипит, и колеса визжат. Машина летит по камням. Потом валится в обрыв. Петр не удерживается и выкидывается из нее. «Мальчонка погиб!» – мелькает в его голове. Он ударяется коленкой о камень, и ему кажется, что нога отрывается и летит вслед за машиной, которая скатывается в поток.

Петр лежит на краю обрыва, и туловище его свешивается вниз. Чтобы не скатиться в обрыв, он отползает от края. В колене сильная боль. Потом Петр взглядывает вниз и видит:

машина застряла в камнях. О ее кузов бешено бьют струи воды. Мальчишка жив, он ревет, сидя все на том же месте. Вниз по камням обрыва прыгает Ольга. Край ее юбки разорван. Она спешит на помощь мальчонке. Петр хочет подняться, но боль в ноге мешает. Тогда, собрав силы, он подползает опять к краю обрыва и смотрит, что будет дальше. Ольга прыгает по камням в воду. Около Петра рыдает мать ребенка, а он кричит:

– Оля, Оля! – голос его звенит. – Направо, направо – там мельче!

А у самого катятся слезы. Черноволосая голова Ольги так и мелькает среди пены и камней. Петр перебирает пальцами землю и зубами кусает сухую травинку. Ольга все же добирается до машины и влезает в нее. Мальчонка протягивает ей свои руки, и она прижимает его к себе. Петр опускает голову, – Ольге предстоит еще обратный путь! Из обрыва Ольга вылезает благополучно, ей помогает библиотекарь. Как только она ступает на дорогу, мать ребенка вырывает у нее из рук мальчонку и бежит с ним в сторону. Отец спешит за ними. А Ольга, мокрая, в разорванном платье, подбегает к Петру, который отряхивает свой костюм. Он думает, что она сейчас забеспокоится о нем. Да! Ольга дотрагивается до Петра. Но делает это как во сне. Петр удивляется, а она наклоняется к нему, и он видит ее зрачки. Они большие и черные, как будто в глаза впрыснули кокаин.

– Я хочу сказать тебе кое-что по секрету, – говорит Ольга.

– Ну, говори, – соглашается он.

– Дай слово, что ты ничего не будешь иметь против.

– Ну, даю.

– Ты знаешь? Нет, скажи как-нибудь посолоднее, что ничего не будешь иметь против.

– Ну, что же, мне тебе басом, что ли, сказать?

– И ты одобришь мое желание?

– Ну, одобряю.

– И не будешь сердиться и, как всегда, ссориться со мной?

– Ну, аллах, да порази меня! – Петр испытывает к жене большую нежность, и ему хочется сейчас все обратить в шутку, не ссориться.

– Я хочу иметь ребенка! Мальчишку!

– Ну и ловко! Опять свое старое!

– Я так и знала! Ты не переменялся.

– Ну, хорошо, не плачь и не трогай моей коленки, – Петр дотягивается рукой до ее сбившейся на лоб прядки черных волос. Он ощущает, что его привычное, даже ровное чувство любви к жене стало неожиданно свежее, острее. И ему кажется теперь совсем легким отказаться от многих эгоистических сторон своей жизни, которые обеспечивали все это время спокойствие и удобство. Он говорит тихо: – Успокойся. Будем живы, будет и мальчишка. Будет!

Тут Ольга перестает плакать и говорить свои трогательные слова. Она суетится, и Петру приходится терпеть. Ольга еще раз прошупывает его ушибленную коленку и улыбается. Она командует прибывшим на помощь народом. Петр недоумевает на свою покорность. Потом смеется. Хорошо! Видно, все приходит в свое время! Все имеет свои законы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.